

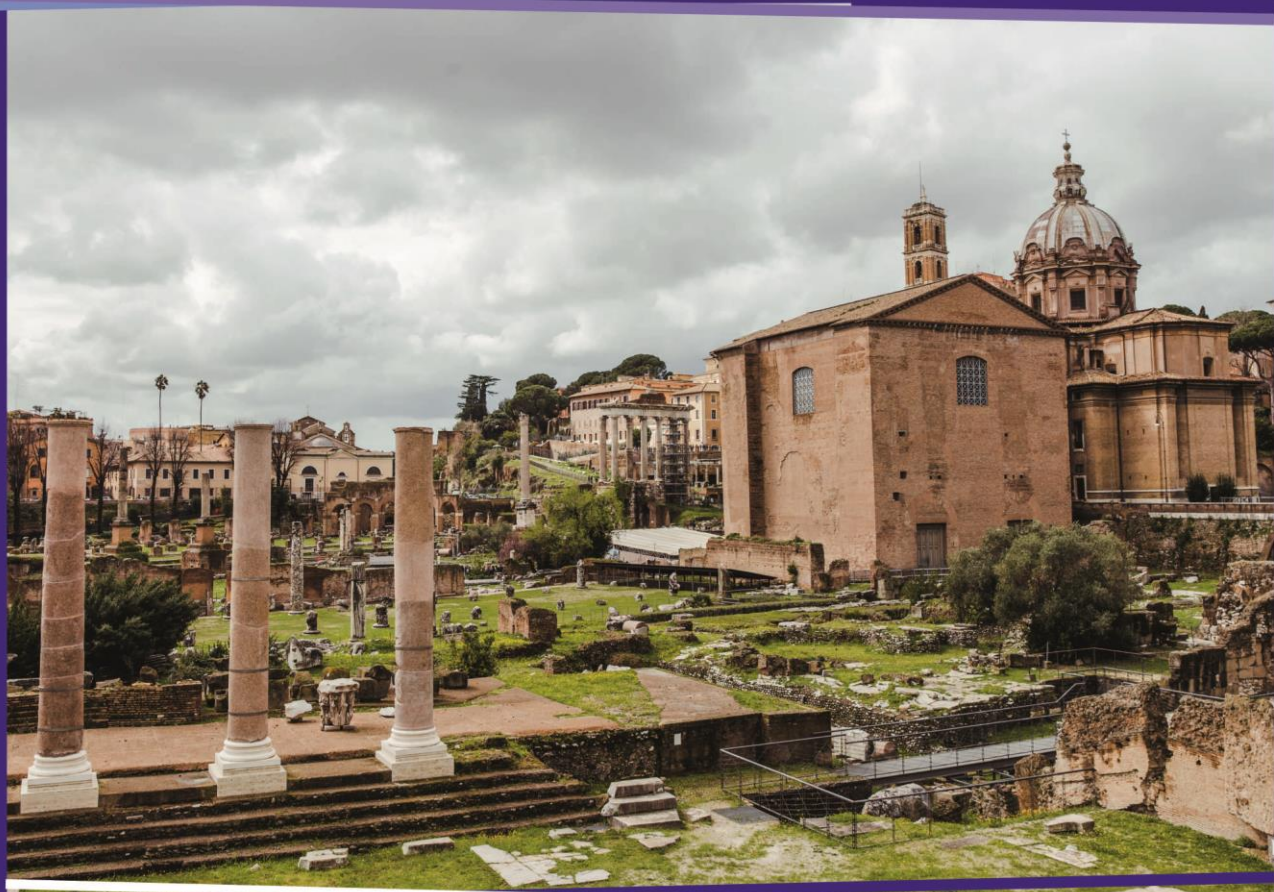

СибАК
www.sibac.info

ISSN 2310-4058

**LXIX СТУДЕНЧЕСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

№9(68)

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО
СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

г. НОВОСИБИРСК, 2018

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

*Электронный сборник статей по материалам LXIX студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 9 (68)
Сентябрь 2018 г.

Издается с Октября 2012 года

Новосибирск
2018

УДК 3
ББК 60
НЗ4

Председатель редколлегии:

Дмитриева Наталья Витальевна – д-р психол. наук, канд. мед. наук, проф., академик Международной академии наук педагогического образования, врач-психотерапевт, член профессиональной психотерапевтической лиги.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета;

Купченко Константин Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Соловенко Игорь Сергеевич – д-р. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета.

НЗ4 «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки»:
Электронный сборник статей по материалам LXIX студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК». – 2018. – № 9 (68) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [http://www.sibac.info/archive/Social/9\(68\).pdf](http://www.sibac.info/archive/Social/9(68).pdf).

Электронный сборник статей по материалам LXIX студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки» – отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Статьи сборника «Научное сообщество студентов. Общественные науки»: размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 60

Оглавление

Секция «История»	5
СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ НА БЛАГО ЭНЕРГИИ БУДУЩЕГО Зайнутдинова Ксения Романовна Мещеряков Константин Евгеньевич	5
ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В РИТОРИКЕ ПУБЛИКАЦИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ» 1947 Г.) Драй Елизавета Вадимовна Шевкунова Алена Сергеевна Кутилова Лариса Александровна	10
Секция «Социология»	16
КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ Андаева Алёна Раиловна	16
ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР Гольшева Наталья Васильевна	23
Секция «Юриспруденция»	29
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ Акимов Константин Вилорьевич Истомин Валерий Геннадиевич	29
ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК КОНЕЧНАЯ СТАДИЯ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ Бычков Максим Вячеславович Тришина Елена Геннадьевна	37
ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ГУАНТАНАМО Власова Ольга Олеговна	42
СМАРТ-КОНТРАКТЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ И ПЕРСПЕКТИВНОМ БУДУЩЕМ Вьюхин Илья Анатольевич Иванюженко Андрей Борисович	51

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ В РФ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	55
Исмаилова Полина Сергеевна	
ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТ. 199.1 УК РФ	60
Кальван Антон Васильевич	
СУБЪЕКТЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ	69
Краснова Юлия Владиславовна	
ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ	74
Плешков Павел Викторович	
ПРИЗНАКИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ	78
Плешков Павел Викторович	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КОММЕНТАРИЙ К РЕШЕНИЮ СУДА ЕС ПО ДЕЛУ «MELLONI V. MINISTERIO FISCAL» № С-339/11	83
Помин Артём	
ТРУДОПРАВОВОЙ СТАТУС МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО	91
Рассохина Екатерина Андреевна	
ОТГРАНИЧЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ОТ ИНЫХ ВИДОВ СЛУЖБ	96
Рассохина Екатерина Андреевна	
ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	101
Хомякова Ольга Леонидовна	

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ НА БЛАГО ЭНЕРГИИ БУДУЩЕГО

Зайнутдинова Ксения Романовна
студент, кафедра международных отношений
на постсоветском пространстве СПбГУ,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: zaynutdinova.petrovavlovsk@gmail.com

Мещеряков Константин Евгеньевич
научный руководитель, д-р ист. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой международных отношений
на постсоветском пространстве СПбГУ,
РФ, г. Санкт-Петербург

Совместное развитие альтернативных источников энергии и экологически безопасных технологий производства хоть и не является первостепенной сферой сотрудничества Соединенных Штатов с Казахстаном, но с каждым годом приобретает все большее значение в контексте общемировых тенденций по спасению окружающей среды. Казахстан поставил перед собой амбициозную цель перехода от сырьевой к инновационной экономике за счет развития науки, диверсификации и модернизации модели социально-экономического развития, что невозможно осуществить без плотной поддержки со стороны более развитых партнеров в лице США, через инвестиции, обмен знаниями и передовыми технологиями.

Америка, будучи мировым лидером в сфере инновационных технологий, всегда приветствовала подобную инициативу Казахстана, и в многочисленных совместных заявлениях с казахстанским руководством регулярно обновляла свою приверженность оказывать всестороннюю помощь в деле обеспечения безопасности ядерных разработок, переналадке ядерных технологий для

использования низкообогащенного урана, подготовке специалистов, необходимых для осуществления работ по использованию геотермальной энергии, улучшению системы управления уже имеющихся энергетических мощностей в республике, а также налаживанию бережного расходования электроэнергии на производственных мощностях. В частности, Госсекретарь США Джон Керри во время выступления перед молодежью станы 2 ноября 2015 г. обратился к государству, бизнесу и потребителям с призывом не полагаться только лишь на доходы от экспорта энергоносителей, а использовать огромные нефтегазовые инвестиции с целью развития инновационных энергетических технологий 21 века. Д. Керри привел в пример региональный проект системы линий электропередач CASA-1000 между Киргизией, Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном и анонсировал ряд не менее перспективных совместных казахстанско-американских инициатив. Среди них: Программа по смягчению последствий изменения климата в бассейне Аральского моря совместно с Всемирным банком, а также программа «Умные воды» (Smart Waters) по поддержанию долгосрочных водных ресурсов в регионе. Более того, глава Государственного департамента США выразил поддержку инициатива Н. Назарбаева по поощрению сотрудничества экономического сектора страны с ведущими мировыми научными институтами [2]. В совместном заявлении Президентов Н. Назарбаева и Д. Трампа «Казахстан – США: экономическое партнерство 21 века» по результатам встречи 18 января 2018 г. был намечен еще один региональный проект в сфере альтернативной энергии – «Сильное будущее» (Power the Future). Инициатива предусматривает переход к экологически дружелюбно экономике, поддерживает различные программы по возобновляемой энергии, повышению энергоэффективности, сокращению вредных выбросов в атмосферу [5].

Сфера развития зеленой экономики и высоких технологий в рамках межгосударственных отношений США и РК традиционно координируется через совместные институты: Совместная казахстанско-американская комиссия по энергетическому партнерству и Комиссия РК-США по научно-техническому

сотрудничеству. Так, тема зеленой экономики стала основной на заседании Совместной комиссии по научно-техническому сотрудничеству 24-25 июня 2013 г. в Астане. Американскую команду возглавила Помощник Госсекретаря США по вопросам океанов, международным экологическим и научным делам Керри-Энн Джонс. Казахстан был представлен делегацией во главе с Министром индустрии и новых технологий РК Асетом Исекешевым. По результатам встречи созданы три рабочие группы по приоритетным направлениям: биомедицинские исследования, «зеленая» химия и управление природными ресурсами. Именно в ходе этого заседания Казахстан впервые объявил о начале Стратегии перехода страны к «зеленой» экономике [1].

Совместные усилия Казахстана и США по внедрению товаров мирной атомной энергетики в казахстанских экспорт трудно переоценить. Для этого казахстанскими экспертами в сотрудничестве с американскими специалистами была проделана колоссальная работа по налаживанию в Казахстане механизмов превращения высокообогащённого урана в низкообогащенный, технологий безопасной и безотходной утилизации, конверсии ядерных реакторов Национального ядерного Института для использования в мирных целях. Широкое сотрудничество развернулось между Национальной Администрацией ядерной безопасности США и Министерством энергетики РК: к 2016 году Казахстан стал основным поставщиком урана в США с оборотом более 24 тонн ядерного топлива в год. Несомненно, большим подспорьем для глобального лидерства Казахстана в деле ядерного разоружения и мирной атомной энергетики стала помощь со стороны американских властей и энергетических компаний. Так, инициированное в 2008 году в Праге создание международного банка урана, было воплощено Казахстаном в 2015 году, когда было подписано соглашение о создании безопасного хранилища ядерных материалов на территории страны. Уже в 2017 году в партнерстве с Соединенными Штатами на казахстанской территории был открыт первый Международный банк низкообогащенного урана [3].

Выдающимся свидетельством стремления Казахстана внести свой вклад в развитие инновационных энергетических технологий в сотрудничестве и США,

и со всем остальным миром, стала проведенная в июне – августе 2017 г. в Астане международная выставка ЭКСПО-2017, посвященная энергии будущего. Американское участие стало одним из самых обширных в рамках проведения форума: построенный на территории ЭКСПО павильон привлек внимание миллионов гостей из разных стран. Американские представители назвали Экспо-2017 самым крупным и значительным событием, проведенным в Центральной Азии в 21 веке, а участие в нем Соединенных Штатов свидетельствует о неизменной приверженности страны укреплению и расширению постоянно растущих связей между двумя странами. В церемонии открытия ЭКСПО-2017 г. и Национального павильона США 10 июня 2017 г. приняла участие делегация США во главе с Заместителем помощника государственного секретаря Д. Розенблумом, который также провел переговоры с Заместителем министра иностранных дел РК Е. Ашикбаевым по всему спектру двусторонней повестки дня [4].

Таким образом, заложенное сравнительно недавно партнёрство в сфере экологии, мирного атома и инновационных технологий альтернативной энергетики, за рассмотренный период получило мощный импульс для развития и открыло обширные перспективы для расширения стратегического партнерства. Проведение международной выставки ЭКСПО-2017 в Астане стало воодушевляющим завершением года и вместе с тем заложило новый фундамент будущим контактам в ключе дружбы, предприимчивости, изобретательности и новаторства.

Список литературы:

1. Казахстан и США продвигают двустороннее научное сотрудничество для поддержки «зеленой» экономики и здоровья населения. // 23 U.S. Consulate and Embassy in Kazakhstan Official Website U.S. Mission Kazakhstan. 2016. 25 July. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kazembassy.fi> / (Дата обращения 16.09.2018).
2. Kerry J. The United States and Central Asia: Partners for the 21st Century. Kazakhstan. Astana.2015. November 2. // U.S. Department of State. Diplomacy in action Web Site // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/11/249107.htm> (Дата обращения 16.09.2018).

3. Klein G.U.S. doubles Kazakhstan uranium imports as domestic purchases plummet. // Resource clips. 2015. October 6. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://resourceclips.com/2015/10/06/u-s-doubles-kazakhstan-uranium-imports-as-domestic-purchases-plummet/> (Дата обращения 16.09.2018).
4. Krol G. Ambassador's Welcome. // USA Pavilion EXPO-2017 Astana Website. 2017. March 17. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.usapavilion2017.org/> (Дата обращения 9.09.2018).
5. The United States and Kazakhstan - An Economic Partnership for the 21st Century. // U.S. Department of State. Diplomacy in action Web Site. 2012. 18 January. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/01/277475.htm> (Дата обращения 16.09.2018).

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В РИТОРИКЕ ПУБЛИКАЦИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ» 1947 Г.)

Драй Елизавета Вадимовна
магистрант, кафедра всеобщей истории ГИ СФУ,
РФ, г. Красноярск
E-mail: e.dray@mail.ru

Шевкунова Алена Сергеевна
студент, кафедра истории России ГИ СФУ,
РФ, г. Красноярск
E-mail: shvkinova.alena.98@mail.ru

Кутилова Лариса Александровна
научный руководитель, канд. ист. наук, доцент ГИ СФУ,
РФ, г. Красноярск

Отношения стран антигитлеровской коалиции на завершающем этапе Второй мировой войны были связаны с решением нескольких задач: борьба с нацистскими организациями (денацификация), разоружение Германии и ее стран-союзниц (демилитаризация), восстановление в освобожденных государствах гражданских свобод, разделение властей и введение многопартийных выборов (демократизация), а также обеспечение национальной безопасности и поддержание мирного порядка. Они были подтверждены в Потсдаме и стали ядром Ялтинско-Потсдамского урегулирования, которое связано было, в том числе, с решением вопроса о дальнейшей судьбе Германии и ее стран-союзниц, а также созданием Организации объединенных наций. Но в ходе мирного урегулирования уже появлялись вопросы, которые вызывали споры у стран-победительниц, ставшие причиной дальнейшего раскола этого союза.

Материалы крупнейшей региональной газеты «Красноярский рабочий» 1947 г. позволяют исследователям проследить эволюцию отношений союзников. Причем наиболее отчетливо об этом свидетельствует изменившаяся риторика, новая специфичная аргументация в пользу своей точки зрения и т. д. Так, начиная с января-февраля 1947 г. советские корреспонденты пишут о первых идеологических разногласиях с блоком демократических стран. Например, описывается

неоднозначное отношение США к бывшим нацистам. В статьях «Запрещение демонстрации в США фильмов о фашистских зверствах» и «Протесты против использования немецких специалистов в США» содержатся сведения о том, что некоторые американские деятели заинтересованы в поддержке Германии, поэтому избегают излишней критики немцев: «Представители организации «Общество борьбы за предотвращение третьей мировой войны» заявили, что Государственный департамент запретил демонстрацию фильмов под давлением могущественных лиц, заинтересованных в Германии и обладающих большим влиянием в правительственных кругах» [1]. Также в статье рассказывается о протестах граждан США против привлечения немецких ученых в американскую науку: «...Много видных ученых, присутствовавших на ежегодной сессии «Американской ассоциации развития науки», в частных беседах выражали свое возмущение намечаемым предоставлением соответствующих условий и даже гражданства США немецким специалистам, которые участвовали в создании гитлеровской военной машины... Они были классифицированы как «граждане вражеских стран» [2]. С другой стороны, в газете еще достаточно публикаций о том, что англо-американский союз нацелен на создание демократического образа жизни в Германии и предпринимает усилия для скорейшего восстановления германского экономического потенциала. Однако некоторые мероприятия с позиции советской пропаганды трактуются отрицательно, особенно когда речь идет о финансовой реформе: «...Слухи вызывают в западных зонах серьезное беспокойство во всех слоях населения, так как подобного рода мероприятия не только нарушают Потсдамское соглашение, но могут оказаться непреодолимым препятствием на пути экономического единства Германии» [2].

Критике подвергается и экономическая политика США. Так, корреспонденты газеты указывают на то, что Соединенные Штаты предоставляют помощь другим государствам выборочно, продовольственная помощь «доступна только для политически «благонадежных» [3]. Эта же тема продолжена в публикациях летом-осенью 1947 г. В «Красноярском рабочем» появляются статьи, прямо называющие экономическую помощь США орудием политического давления.

Автор статьи утверждает, что политика США – это политика дискриминации стран Восточной Европы: «Представители Польши, Чехословакии, Белоруссии, Новой Зеландии в комитете отмечали, что помощь странам, разоренным войной, была прекращена слишком рано. Однако, США и Англия, оказывая помощь ряду стран, в то же время отказались рассмотреть потребности Польши, Венгрии и Югославии... «Помощь», оказываемая США таким странам, как Турция и Греция преследует определенные политические цели: эта «помощь» используется для подавления демократических сил Греции и для строительства военных баз, в которых заинтересованы США» [12].

Наряду с этим на страницах газеты «Красноярский рабочий» появляется блок сюжетов о внутренних проблемах бывших стран-союзниц СССР. Этот пласт статей содержит в себе сведения об актуализации расовой проблемы в США, о линчевании там цветного населения, о забастовках рабочих во Франции, Великобритании, США. На примере ситуации во Франции корреспонденты подчеркивают несамостоятельность политики этой страны: «Возможно, что восстановление Германии будет осуществлено раньше, чем восстановлении Франции. Правительство обрекло Францию на экономическую и финансовую зависимость от США» [9]. Причину волнений в Соединенных Штатах советская пресса видит в том, что в США был принят законопроект «Тафта-Хартли», который был основан на критике и гонениях деятельности профсоюзов. Также корреспонденты отмечают, что «... закон «приведет к широкой войне в промышленности... Лидеры профсоюзов решительно осуждают решение сената, а некоторые из них заявили, что намерены возбудить судебное дело о неконституционности антирабочего закона» [10].

Также все чаще появляются статьи об идеологическом противоборстве демократического и коммунистического режимов. На примере сложившейся политической ситуации во Франции демонстрируется расхождение этих политических сил: «Съезд подтвердил дальнейший сдвиг вправо французской социалистической партии и окончательный отказ ее от совместных действий с коммунистами... Характеризуя позицию, Рамадье сказал: «С одной стороны

у нас деголлизм, яд которого распространяется в стране и вызывает недоверие к республиканским институтам. С другой стороны – коммунисты» [7]. В статье «О годовщине войны», затрагивая тему конфликта этих двух лагерей, газета называет действия американцев «крестовым походом против коммунизма» [6]. Следом публикуются статьи с обвинениями в адрес секретаря компартии США «в лояльной деятельности к американскому режиму». Широкое освещение получает сюжет о требовании американских политиков выслать Чарли Чаплина из-за «его деятельности, которая, по их мнению, выражалась в проведении коммунистической пропаганды» [5]. Кризис, разлад «единства победителей» проявились и в отношении к немецкой общественности: «Маршалл, Бидо и Бевин в один голос высказались против приглашения делегации немецкого народного конгресса на сессию Совета министров. Таким образом, представители западных держав открыто продемонстрировали свое нежелание прислушаться к голосу германской прогрессивной общественности при решении вопроса о будущем Германии» [11]. Газета подчеркивает расхождение позиций победителей по многим вопросам, особенно по германскому.

Разногласия проявляются не только в рамках европейского, но и азиатского региона. Так, на примере сюжета о ситуации в Индии, советские корреспонденты подчеркивают, что эти акты были «подозрительно организованны и совершались синхронно по всей территории Индии» [4]. Подозрения как раз вызывают действия англо-американского союза. Далее оценка деятельности англо-американского союза перерастает в более критичную форму, появляются такие характеристики, как «англо-американские разжигатели войны», «поджигатели новой войны», «американская шумиха об угрозе военной агрессии» [8]. Подобные заголовки сопровождают статьи, связанные не только с вооруженными столкновениями в Греции, но и войной в Китае. К этим событиям непосредственно, по мнению авторов статей, причастны американско-английские капиталы. «Усилить интервенцию во внутренние дела Китая и усилить отправку в Китай для Чан Кай-ши американского оружия и разного военного снаряжения... Одновременно Буллит не забывает лягнуть своим

копытом Советский Союз, как в известной басне Крылова «я его лягнул, пускай ослиные копыта знает»... Буллит призывает США оказать Китаю такую помощь, чтобы Китай мог сыграть роль «реального противовеса Советской империи на Дальнем Востоке» [11].

Итак, анализ публикаций в газете «Красноярский рабочий» за 1947 г. позволяет проследить эволюцию отношений стран антигитлеровской коалиции. Публикации можно разделить на два основных блока: одни посвящены политико-экономическим проблемам послевоенного регулирования, другие идейной конфронтации коммунистического и демократического лагерей. Публикации в газете сконцентрированы на обличении англо-американского союза, который ведет активную борьбу за господство с коммунистическим блоком, возглавляемым Советским Союзом. Подчеркивается расхождение в инструментарии этой борьбы. Так, СССР ведет только идеологическую борьбу, демонстрируя преимущества своего строя. А вот США в союзе с Англией дискриминируют страны Восточной Европы, используют продовольственную помощь как средство политического давления, преследуют деятелей культуры и т. п. Язык публикаций в полной мере отражает разлад победителей, появление прежних клише («поджигатели новой войны», «американская шумиха об угрозе военной агрессии») из риторики конца 1930-х гг. свидетельствует о новом этапе в отношениях бывших союзников и, безусловно, связан с вызреванием «холодной войны».

Список литературы:

1. Красноярский рабочий. 1947. 3 января.
2. Красноярский рабочий. 1947. 8 января.
3. Красноярский рабочий. 1947. 11 января.
4. Красноярский рабочий. 1947. 18 января.
5. Красноярский рабочий. 1947. 14 июня.
6. Красноярский рабочий. 1947. 22 июня.
7. Красноярский рабочий. 1947. 22 августа.
8. Красноярский рабочий. 1947. 27 августа.
9. Красноярский рабочий. 1947. 6 сентября.

10. Красноярский рабочий. 1947. 22 октября.
11. Красноярский рабочий. 1947. 17 ноября.
12. Красноярский рабочий. 1947. 19 ноября.
13. Красноярский рабочий. 1947. 17 декабря.

СЕКЦИЯ
«СОЦИОЛОГИЯ»

**КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ**

Андаева Алёна Раиловна
студент, кафедра ЭТиУР, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева,
РФ, г. Казань
E-mail: aljonka992@mail.ru

**CORPORATE CULTURE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION**

Alena Andaeva
student, Department of economic theory and resource management,
KNITU-KAI of A.N. Tupolev,
Russia, Tatarstan, Kazan

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено понятие «корпоративная культура», приведен обзор факторов устойчивого развития организации, определено место корпоративной культуры в данной системе факторов. Определены приоритетные действия для обеспечения устойчивого развития организации.

ABSTRACT

This article discusses the concept of "corporate culture", provides an overview of the factors of sustainable development of the organization, the place of corporate culture in this system of factors. Priority actions for sustainable development of the organization are defined.

Ключевые слова: корпоративная культура, устойчивое развитие, корпоративный кодекс.

Keywords: corporate culture, sustainable development, corporate code.

Понятия «устойчивое» и «развитие» противоположны, однако именно устойчивое развитие - это та цель, к которой стремится любая современная организация. Найти баланс между стабильностью и динамикой поможет тщательный анализ факторов устойчивого развития организации, описанных в литературе и анализ реалий сегодняшнего дня. Потенциал организации всегда обеспечен рядом конструктов, в числе которых представлена группа социальных, включающих корпоративную культуру организации. Как раз она рассматривается в данной статье как фактор положительной динамики в развитии предприятия. Корпоративная культура ориентирована на внутреннюю среду и проявляется, прежде всего, в поведении сотрудников.

Культура как междисциплинарный феномен запускает реализацию ряда факторов стабильного развития организации:

- «устойчивость», эффективность и надежность внутрисистемных корпоративных связей;
- дисциплина и культура их исполнения;
- динамизм и адаптивность к нововведениям в организации;
- общепринятый стиль управления, основанный на сотрудничестве;
- активные процессы позитивной самоорганизации.

Все это проявляется в корпоративном поведении работников в соответствии с принятыми нормами и признанными ценностями, объединяющими интересы отдельных людей, групп и организации в целом.

Система знаний о функционировании культуры, как инструмента регуляции поведения людей в организации обширна. Среди зарубежных ученых, которые занимались исследованиями корпоративной культуры можно отметить: К. Камерон, Д. Эттингтон, А. Кеннеди, Г. Хофстеде, У. Оучи, С. Медок, Д. Паркин, Т. Парсон, Т. Питерс, Р. Уотермен. В частности, авторы Т. Питерс, Р. Уотермен в своем бестселлере «В поисках эффективного управления» обнаружили связь между культурой и эффективностью управления. Среди российских ученых, занимающихся исследованиями в области корпоративной

культуры необходимо отметить Т.Ю. Базарова, А.В. Спивака, В.В. Козлова, Р.Л. Кричевского.

Т.Ю. Базаров, в частности, определяет культуру организации как сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемых всеми членами конкретной организации и задающий общие рамки поведения, принимаемые большей частью организации. Проявляется в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения. Регламентирует поведение человека и дает возможность прогнозировать его поведение в критических ситуациях [2]. Именно это определение взято за основу при рассмотрении корпоративной культуры в системе факторов организационного развития.

Чтобы понять, какова корпоративная культура организации, необходимо обратить внимание на следующие элементы:

1. Внешний вид и поведение сотрудников:

- кто работает в компании (люди молодого или старшего возраста, преимущественно мужчины, женщины);
- как выглядят сотрудники (уверенно, напряженно, энергично, расслабленно, приветливо, угрюмо);
- как они одеты (незаметно, вызывающе, стильно, одинаково, опрятно);
- как они взаимодействуют (все находятся на своих местах, озабоченно бегают с бумагами).

2. Структурирование пространства, дизайн офиса:

- общее впечатление, размер помещения, типовой или индивидуальный дизайн; цвет стен, наличие на них грамот, сертификатов, логотипа компании;
- организация рабочего пространства и хранения документации; наличие сувениров, растений, личных предметов;
- определить приоритеты организации можно по размещению ее подразделений, так, если она располагается на нескольких этажах, то часто сверху размещены отделы руководящих и статусных должностей, внизу - рядовые сотрудники.

3. Структурирование времени:

- график работы компании для клиентов; нормированный или ненормированный рабочий день для сотрудников.

4. Нормы и правила:

- какие нормы и правила существуют и описаны, знает и соблюдает ли их персонал; соответствуют ли они друг другу и нормам, задаваемым извне;

- как сформулирована система мотивации, соответствует ли она реальности, и знают ли о ней все сотрудники компании;

- какова система штрафов, взысканий, распространяется она на всех сотрудников или имеются исключения, насколько часто используется.

5. Ритуалы и символы:

- какие действия или процедуры происходят в организации регулярно;

- как проходят совещания и собрания, на что обращается особое внимание;

- как отмечаются корпоративные праздники, какие из них наиболее торжественно, на чем делаются акценты.

6. Ценности и внутренние критерии эффективности:

- какие критерии применяются в первую очередь при принятии решений;

- какова иерархия ценностей компании (деньги, справедливость, хорошие отношения, рост и развитие, креативность).

Корпоративная культура сегодня - это не просто совместные праздники, единые правила работы и общения, это комплексная система, цель которой - создавать условия для разностороннего развития сотрудников, обеспечивать динамику устойчивого развития организации.

Впервые термин «устойчивое развитие» был применен в 1972 году на Первой Всемирной Конференции по окружающей среде в Стокгольме. В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро этот термин был использован в качестве названия новой концепции существования всего человечества. Концепция устойчивого развития появилась в результате объединения трех основных точек зрения: экономической, социальной и экологической - это три тесно взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимоподчиненные

области единого целого. При таком подходе организация рассматривается как социо-эколого-экономическая система [3].

Рисунок 1. Факторы, влияющие на устойчивое развитие организации

Масштабная система факторов, представленная на рисунке 1, позволяет понять, что персонал - это один из ключевых элементов внутренней среды организации, обеспечивающий стабильность системы в целом.

Первые исследования по изучению влияния социальных факторов на экономическую эффективность в нашей стране относятся к началу 80-х гг. Проведенное под руководством А.Л. Иванова исследование выявило резервы повышения производительности труда: эффективное использование социальных факторов позволяет увеличить производительность труда в 1,5 раза. Ведущую роль в этом играют социально-психологические факторы, на долю которых

приходится 38,7 %, в то время как доля влияния технико- технологических факторов составляет 32,2 %, а организационных факторов - 29,1 %. Также нужно отметить, что в резервах повышения производительности труда на производстве большую долю имеет улучшение организации производственного процесса, совершенствование технологий работы с персоналом [1].

Таким образом, устойчивое развитие предприятия характеризуется поддержанием его целостности при воздействии внешних и внутренних факторов, трансформирующих окружающую среду, и одновременно адаптацией предприятия к этим изменениям.

Сегодня внимание обращается на человека и на создание условий для реализации его потенциала и способности к эффективной работе. Корпоративная культура - одна из самых действенных средств привлечения и мотивации сотрудников. Как только человек удовлетворяет потребности первого уровня (материальные), у него возникают социальные потребности, и здесь на первый план выходит корпоративная культура.

Корпоративная культура приносит фирме материальный результат в том случае, если она представляет собой свод четких, однозначно трактуемых правил, разделяемых сотрудниками организации. Правила, принципы, этические нормы упорядочены в корпоративном кодексе, который решает одновременно несколько задач. Корпоративный кодекс - это открытый документ, повествующий о принципах деятельности компании, отвечающий на вопросы о том, куда движется предприятие, как себя позиционирует. Как инструмент повышения инвестиционной привлекательности он раскрывает необходимую информацию для инвесторов. Если организация заинтересована в развитии, в притоке инвестиций, планирует войти в новые сектора рынка или упрочить завоеванные позиции, ей необходимо предоставить общественности и инвесторам положение о корпоративном управлении. Как инструмент управления кодекс регулирует поведение сотрудников на рабочем месте. Как инструмент развития корпоративной культуры он обозначает основные цели и ценности, усиливает корпоративную идентичность всех предприятий холдинга.

Корпоративный кодекс - уникальный документ организации, содержащий не только стратегическое видение руководства, нормы и ценности фирмы, но и способы их трансляции рядовым сотрудникам. Для того чтобы документ реально действовал, он должен быть принят всеми сотрудниками компании, стать интегрирующим элементом, поводом для корпоративной гордости. Кодекс служит инструментом внутрикорпоративного PR, ориентиром, фиксирующим общие ценности компании. Это его свойство работает и на сплочение коллектива работников, и на укрепление репутации компании. Зарубежные аналитики в своем большинстве отмечают, что почти все знаменитые компании-бренды обязаны своим успехом, прежде всего, четкой и сильной внутренней интеграции сотрудников компании вокруг единых корпоративных принципов.

Таким образом, признавая значимость корпоративной культуры в устойчивом развитии организации, следует отметить, что особую актуальность приобретают вопросы создания единой концепции формирования стратегии, которая основывается на системе действий, разработанной с учетом факторов, определяющих устойчивость развития предприятия.

Список литературы:

1. Анпилов С.М., Ашмарина С.И. Системные основы целеполагания, обеспечивающего устойчивое развитие предприятия // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2011. - № 10 (91) - 32-35 с.
2. Базарова Т.Ю., Еремина Б.Л. Управление персоналом: Учебник для вузов - 2-е изд., перераб. и доп. - М: ЮНИТИ, 2002. - 321 с.
3. Логунцев Е.Н. Концепция устойчивого развития с позиций междисциплинарного подхода. // Городское управление. - 2000. - №11 - 24-32с.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР

Голышева Наталья Васильевна

*студент факультета Государственного и муниципального управления,
кафедра Государственного управления и политических технологий
Уральского института управления – филиала РАНХиГС,
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: n.golysheva@ekt.ancor.ru*

Создание условий в ВУЗах для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов (далее – с ОВЗ) с каждым годом приобретает все большую актуальность. В 2001 году в 299 вузах системы Минобразования РФ обучались 11073 студентов-инвалидов и с ОВЗ. Их число продолжает расти: с 5,4 тыс. человек в 2002 г. до 14,5 тыс. человек в 2003 г., в 2016 г. – более 23 тысяч [2, с. 10-11]. За последние годы наметилась тенденция к увеличению количества ВУЗов, осуществляющих обучение лиц с ОВЗ и инвалидов в рамках инклюзивной практики. Но с другой стороны, сегодня доступность высшего образования для молодых людей с ОВЗ это острая социальная и педагогическая проблема, содержащаяся в создании формировании условий для комфортного обучения «особого» студента.

В исследованиях Е. Мартыновой доступность высшего образования для лиц с ОВЗ и инвалидов рассматривается на четырех уровнях: университета, региона, национальном и глобальном уровне [1, с. 46]. Я считаю, что доступность «начинается и заканчивается» в конкретном вузе, поэтому важно анализировать обеспечение условий в каждом вузе отдельно. В любом случае, абитуриент решает, насколько данный университет ему доступен. Но на этом уровне студент может столкнуться с серьезными проблемами. Первая – это политика приемной кампании. Приемные комиссии вузов часто проводят дискриминационную политику по отношению к абитуриентам с инвалидностью.

В след за первой проблемой вытекает другая, а именно - привлечение потенциально способных студентов в данное учебное заведение. В момент, когда абитуриент становится студентом, проблема не становится решенной. Человек, пройдя через преграды вступительных испытаний, обнаруживает себя

окруженным множеством сложных ситуаций: затруднена адаптация, непростая финансовая сторона жизни, личные проблемы.

Несмотря на возможности, которые даются нам законодательством, поступление в обычные вуз и учеба для молодого человека с ОВЗ остается проблематичным. В большинстве случаев российские вузы, не имеющие соответствующих специальных программ, не только не обладают минимальными требованиями по административными, информационным, педагогическим и кадровым ресурсам для подготовки лиц с различными видами инвалидности, но и не удовлетворяют даже минимуму требований к физической (архитектурной) среде для обучения инвалидов - колясочников (отсутствие пандусов, специальных лифтов).

В статье приводятся актуальный перечень проблем в сфере развития инклюзивного образования. Далее рассматриваются возможные решения, такие как: разработка подпрограмм в государственных программах, индивидуальных программ развития студента с ОВЗ, утвердить и внедрить критерии эффективности деятельности образовательных учреждений, обеспечение повышения квалификации и подготовки кадров, социальная поддержка различных организаций и фондов.

Мы можем видеть, что в развитии инклюзивного образования участвует непосредственно общественный сектор: образовательные учреждения, школы, вузы, колледжи, также организации, представляющие интересы инвалидов, готовые работать с их проблемами и потребностями. В партнерстве с такими общественными организациями возможно привлечь финансовые средства, гранты и оказывать помощь еще большему кругу лиц. На федеральном и региональном уровне необходимо организовать на конкурсной основе грантовую поддержку высших учебных заведений, развивающих инклюзивную форму образования инвалидов и лиц с ОВЗ.

Таким образом, на сегодняшний день имеются противоречия между потребностью современного общества в интеграции и равных жизненных возможностях разных социальных групп и недостаточным уровнем готовности

системы высшего образования к интеграции людей с ОВЗ. В этой связи, необходимо разработать более тщательное взаимодействие между учащимися с ОВЗ и общественным сектором, начиная с школьных учреждений, помощи в выборе специальности, обеспечения доступности и равного доступа к высшему и среднему образованию и заканчивая, помощью в трудоустройстве.

Одним из направлений совершенствования является разработка подпрограмм в государственных программах. Это позволит увеличить объем финансирования сферы, утвердить конкретный план реализации мероприятий по различным направлениям, а также утвердить целевые показатели деятельности, к достижению которых должны стремиться органы государственной власти.

Также актуальным направлением в реализации государственной политики в сфере инклюзивного образования является внедрение индивидуальных программ развития студента с ограниченными возможностями здоровья. Министерство образования и науки РФ может разработать рекомендации по разработке и составлению индивидуальной программы для каждого студента. На региональном уровне стоит обратить внимание на выполнение следующих задач:

1. Утвердить и внедрить критерии эффективности деятельности образовательных учреждений: вузов, колледжей. В качестве примерных критериев эффективности образовательных учреждений можно рекомендовать:

- укомплектованность образовательных учреждений в расчете на одного обучаемого;
- доля педагогов, прошедших повышение квалификации;
- доля родителей и студентов, удовлетворенных предоставляемыми образовательными услугами;
- % трудоустройства студентов с ОВЗ;
- количество жалоб на данное образовательное учреждение.

На мой взгляд, критерии эффективности позволят оценить уровень предоставляемых образовательных услуг вузов и соответствие ее деятельности

российскому законодательству, а также может стать инструментом развития и модернизации существующей системы инклюзивного образования.

2. Обеспечение поэтапного повышения квалификации и подготовки кадров руководящихся и педагогических работников инклюзивных образовательных организаций. Для реализации данной задачи необходимо составления сетевого плана-графика, а также формирование государственного заказа на обучение специалистов определенной специализации. При осуществлении задачи органами государственной власти предусматривает содействие в организации стажировочных площадок на базе коррекционных школ, организации семинаров, вебинаров и круглых столов для обсуждения текущих проблем и вопросов, оказание консультационной помощи и разработка методических рекомендаций для педагогических работников.

3. Государственная поддержка фандрайзинга в системе инклюзивного образования. Фандрайзинг – процесс привлечения денежных средств, необходимых для реализации какой-либо задачи. Формами данной методики выступают: массовые акции по привлечению средств, волонтерство, обращение с просьбой, благотворительные организации и другое. Использование данной технологии в школах предполагает участие общественного сектора. При содействии со стороны государства такого рода партнерства может привлечь не только дополнительные источники финансирования, но и новые материальные, методические и человеческие ресурсы.

Следует отметить, что данные направления деятельности должны иметь комплексный характер и требовать взаимодействия между федеральными и региональными уровнями власти и непосредственно с самими образовательными учреждениями.

Таким образом, в развитии инклюзивного образования участвует общественный сектор: образовательные учреждения, школы, вузы, колледжи, также организации, представляющие интересы инвалидов, готовые работать с их проблемами и потребностями. В партнерстве с такими общественными организациями возможно привлечь финансовые средства, гранты и оказывать

помощь еще большему кругу лиц. На федеральном и региональном уровне необходимо организовать на конкурсной основе грантовую поддержку высших учебных заведений, развивающих инклюзивную форму образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Социальная поддержка осуществляется с помощью специализированных инвалидных организаций и фондов, они могут привлекаться муниципалитетами для оказания инвалидам значительной части положенных по закону услуг (адаптационная подготовка, помощь инвалиду в приспособлении к увечью или болезни, обучение использованию технических средств с целью обеспечения социальной и психологической самостоятельности, повышения дееспособности).

При образовательных учреждениях могут быть созданы Ресурсные центры. Спектр услуг, предоставляемых Ресурсным центром, достаточно широк: от разработки адаптированных профессиональных программ, учебно-методических комплексов и индивидуальных учебных планов до консультаций по вопросам применения современных технических средств реабилитации и организации безбарьерной образовательной среды. Программа предусматривает разработку эффективной модели сетевого взаимодействия по вопросам социальной и профессиональной адаптации обучающихся с ОВЗ и инвалидов, их трудоустройства, научно-методическое сопровождение инклюзивного профессионального образования (кафедра инклюзивного образования).

Анализ работ современников в данной области исследования позволяет сделать вывод, что проблема доступности образования для лиц с ОВЗ и инвалидов в инклюзии очень актуальна и имеет большое значение. Подтверждение тому – это имеющиеся противоречия между потребностью современного общества в интеграции и равных жизненных возможностях разных социальных групп и недостаточным уровнем готовности системы высшего образования к интеграции людей с ОВЗ в контексте социальных и профессиональных-рабочих отношений, а также недостаточной теоретической и практической проработкой путей формирования этой системы. В этой связи, необходимо разработать более тщательное взаимодействие между учащимися

с ОВЗ и общественным сектором, начиная с школьных учреждений, помощи в выборе специальности, обеспечения доступности и равного доступа к высшему и среднему образованию и заканчивая, помощью в трудоустройстве.

Список литературы:

1. Коренева В.О., Чернышева Н.С., Акимова О.И. Доступность высшего образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в рамках инклюзии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 50. С. 45–51. URL: [<http://e-koncept.ru/2016/76654.htm>] (Дата посещения: 25 февраля 2018).
2. Межвузовское исследование «Студенты-инвалиды в российских вузах». Москва. Декабрь 2016 [URL: http://www.rsr-online.ru/doc/2010_12_03/2.pdf] (Дата посещения: 25 февраля 2018).

СЕКЦИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ**

Акимов Константин Вилорьевич

*студент, кафедра конституционного и международного права,
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Уральский институт управления
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: krepostlaw@mail.ru*

Истомин Валерий Геннадиевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук,
доц. государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Уральский институт управления,
РФ, г. Екатеринбург*

Аннотация. В данной статье представлено содержательное пояснение поправок, которые внесены в Гражданский кодекс по вопросу статуса потребительских кооперативов, что позволяет уже сегодня развивать правильное понимание специфики кооператива как организационно-правовой формы, разделяя их на виды - «хозяйственный» или «предпринимательский» кооператив.

Abstract. This article presents a meaningful explanation of the amendments made to the Civil code on the status of consumer cooperatives, which allows today to develop a correct understanding of the specifics of the cooperative as an organizational and legal form, dividing them into types- "economic" or "entrepreneurial" cooperative.

Ключевые слова: кооператив, потребительский кооператив, правовой статус, правовое регулирование, некредитные финансовые организации, кооперация, потребительские общества, форма хозяйствования.

Keywords: cooperative, consumer cooperative, legal status, legal regulation, non-credit financial organizations, cooperation, consumer society, form of management.

Кооперативы являются одной из первых организационно-правовых форм юридических лиц зарождавшейся рыночной экономики в Российской Федерации.

Сферу общественных отношений с участием потребительских кооперативов как некредитных финансовых организаций регулирует Гражданский кодекс РФ, ряд специальных законов, в частности Федеральный закон о кредитной кооперации, Федеральный закон о сельскохозяйственной кооперации, и другие, также Федеральный закон о Центральном банке Российской Федерации, в силу возложенных на Банк России контрольных и надзорных функций в отношении потребительских кооперативов как некредитных финансовых организаций.

Цель статьи – исследовать проблемы современного правового регулирования потребительских кооперативов с учетом последних поправок, внесенных в Гражданский кодекс РФ.

1 сентября 2015 г. вступили в силу поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), касающиеся института юридических лиц. Новеллы Гражданского кодекса коснулись, в том числе, кооперативов. Новая редакция ГК РФ теперь содержит полный и исчерпывающий перечень как коммерческих, так и некоммерческих организационно-правовых форм. Ранее перечень некоммерческих организационно-правовых форм был открытым и оставлял простор правотворчеству. Это было оправдано в период формирования нового механизма экономики. Интенсивно появлялись новые формы некоммерческих организаций, включая различные виды потребительских кооперативов – жилищных, кредитных, обществ взаимного страхования, государственные корпорации, саморегулируемые организации. Но на сегодняшний день количество ОПФ превысило несколько десятков, многие некоммерческие ОПФ оказались взаимозаменяемыми [2].

Новый подход законодателя, на наш взгляд, вносит однозначность и укрепляет позиции Гражданского кодекса как кодифицирующего акта,

закрепляет уже сформировавшуюся систему юридических лиц в Российской Федерации. Хотя остались неразрешенные противоречия, как в отношении кооперативов, так и иных ОПФ. Кроме того, появилась новая классификация юридических лиц: унитарные и корпоративные юридические лица. По новой классификации кооперативы отнесены к корпоративным формам юридических лиц. Согласно ГК РФ (пункту 1 статьи 65.1. Корпоративные и унитарные юридические лица (введена Федеральным законом от 05.05.2014 N 99 ФЗ) [4, с. 28].

Данное нововведение весьма важно, так как именно эта классификация по существу является организационно-правовой. Существовавшая и до поправок статья 50 Гражданского кодекса РФ делит юридические лица на коммерческие и некоммерческие, что, в первую очередь, отражает экономическую сторону деятельности юридических лиц, что тоже немало важно. Но данная классификация не отражала суть организационно-правовых характеристик, таких как, например, формирование органов управления. С появлением поправок, введенных указанным Федеральным законом ФЗ 99, пре одолевается отчасти искусственный разрыв между производственными и потребительскими кооперативами. Основания данной классификации сближают эти организационно-правовые формы, подчеркивая черты их сходства, поскольку по этой классификации и производственный, и потребительский кооператив относятся к корпоративной форме [1, с. 58].

А именно статья 65.2. «Права и обязанности участников корпорации» (введена Федеральным законом от 05.05.2014 N 99 ФЗ) перечисляет права участников корпорации, где ключевой является позиция по участию члена в управлении делами корпорации. Как участники корпорации члены кооперативов могут знакомиться с ее бухгалтерской иной документацией, обжаловать решения органов корпорации, оспаривать совершенные ею сделки и др. [3, с. 172].

Подобный перечень акцентирует внимание потенциальных членов кооперативов в их правах и обязанностях, тем самым однозначно распределяя

ответственность между обществом, государством и индивидуальным субъектом – участником кооператива. Пайщик наделяется полномочиями участия в управлении, но на данный момент эти полномочия крайне мало реализуются.

Участники (члены) кооператива четко должны представлять, что от их инициативы, самостоятельности, зависит конечный результат. Бывает, что организационная форма кооператива используется как ширма для мошеннических действий. Известны случаи банкротства кредитных и ипотечных потребительских кооперативов. Отчасти в этом есть доля вины самих пайщиков, не до конца понимающих суть кооперативной формы работы, требующей от каждого участника заинтересованности и активного участия в управлении кооперативом. Как иммунная реакция на такие дискредитирующие обстоятельства появилось страхование вкладов в кооперативах. Участники кооператива должны понимать, что государство не вмешивается в деятельность кооперативов, тем самым обеспечивая максимальную свободу в его деятельности. Но за такую свободу нужно платить, и эта «плата» – это участие в управлении, участие активное и инициативное [6, с. 97].

Другой трудностью развития кооперативной формы является «выхолащивание» сути кооператива. В случае с теми же кредитными кооперативами, это, например, использование их только под ростовщические цели. Основная задача – собрать максимальный процент со средств вкладчиков и заемщиков [10, с. 32].

Цель кредитной кооперации – поддержка малого бизнеса, соучастие в предпринимательском риске. Только при правильном подходе решаются социальные вопросы, а не усугубляются. Иначе, кооператив превращается в промежуточное звено для погашения кредитов по принципу «в одном месте взял, что бы в другом месте погасить кредит». Появляется замкнутый круг, отнюдь не ведущий к решению проблемы. Кооперативная форма будет работать во благо только при условии соблюдения кооперативных принципов и ценностей. И только в этом случае она будет полезна и обществу, и отдельным его членам [8, с. 361].

Подмена кооперативной формы характерна и для жилищных кооперативов. На практике бывают ситуации, когда без колебаний и сомнений, как само собой разумеющееся предлагают члену кооператива подписать доверенность директору на участие в делах кооператива, в принятии решений, тем самым просто лишая члена кооператива участия в общем собрании. Основной аргумент – «вас так много, собрать трудно, зачем Вам себя утруждать» и т. д. При подписании подобной доверенности управление передается в руки директора, и члены кооператива опять становятся пассивными участниками, привычно перекладывая бремя управления на другие плечи [7, с. 49].

Можно сделать вывод, что поправки, внесенные в Гражданский кодекс, расставили правильные акценты и развили понимание специфики кооператива как организационно-правовой формы. От пайщиков на сегодняшний день требуется активное участие в управлении делами, грамотный экономический, управленческий подход, самостоятельность, ответственность за конечный результат. Только при таком подходе кооператив будет приносить пользу, а не удовлетворять корыстные амбиции случайных мошенников.

Несмотря на новеллы ГК РФ, остались не урегулированными вопросы разграничения производственного и потребительского кооператива. ГК РФ появилась классификация, которая объединила и обозначила эти организационно-правовые формы (далее – ОПФ) как корпоративные организации. Но, по-прежнему, отсутствуют четкие критерии деления производственного кооператива и потребительского.

Законодатель оставил данный вопрос без кардинальных изменений. Этому есть несколько причин. Например, исторические. В нашей стране потребительские общества – наследие социалистической экономики, единственная альтернатива государственной форме хозяйствования в советский период, – теперь с трудом вписываются в современную ситуацию.

Потребительские общества – «вкрапления» иного способа хозяйствования в плановой экономике с государственной формой собственности. Колхозы

только по форме, но не, по сути, соответствовали кооперативным принципам организации хозяйственной деятельности [9, с. 34].

На сегодняшний день эта форма хозяйствования стала рудиментом, ей необходимо новое наполнение. Должен быть преодолен разрыв между ГК РФ и отраслевым законодательством. В качестве критерия деления может выступать следующий аспект [5, с. 176]:

- в потребительских кооперативах услуги оказываются для членов кооператива (например, гаражный, жилищный, кредитный кооперативы; чтобы получить кредит в кредитном кооперативе необходимо стать его членом, вступить в кооператив, уплатить взнос и т. д.);

- в производственных кооперативах взаимодействие строится между кооперативом как юридическим лицом, с одной стороны, и иными участниками хозяйственной деятельности, с другой стороны.

В потребительских кооперативах отношения строятся преимущественно между членами кооператива, как корпоративные, так и договорные. А в производственном кооперативе и потребительских обществах корпоративные отношения складываются между членами кооператива, а договорные – между кооперативом и партнерами, то есть с участием третьих лиц. В случае с потребительским кооперативом корпоративные и договорные отношения накладываются и возникают между одними и теми же субъектами правоотношения. В производственном – эти отношения возникают преимущественно между разными участниками. И субъектный состав разный, он не совпадает [9, с. 23].

Все формы ведения производственной, торговой, сбытовой, снабженческой деятельности, в этом случае, должны быть отнесены к производственным кооперативам, а потребительские приведены в соответствие с ГК РФ. Законом предусматривается преобразование потребительских обществ либо в общество с ограниченной ответственностью, либо в производственный кооператив. На сегодня потребительские общества как бы вынесены Гражданским кодексом РФ за рамки правового поля [8, с. 191].

Вероятно, что название кооператива тоже должно измениться и соответствовать расширенному содержанию. Коммерческая форма кооператива может называться «хозяйственный» или «предпринимательский» кооператив (по аналогии с хозяйственными обществами) и объединять кооперативы, занимающиеся и сельскохозяйственной, и производственной, и торговой, и закупочной, и посреднической и другими видами деятельности, приносящей доход.

Итак, особенности правового статуса кредитных потребительских кооперативов определили и особенности их взаимодействия с органами государственной власти в XX веке. Государство не может отказаться от регулирования отношений в сфере финансов, даже кооперативных финансов, ввиду особой сложности и важности этой сферы отношений для всех и каждого гражданина в отдельности. Главные функции государства в сфере регулирования кредитной потребительской кооперации – нормативное регулирование, обеспечение защиты прав граждан, помощь развивающимся кредитным потребительским кооперативам.

Список литературы:

1. Александрова Н.В. Гражданское право [Текст]: учебное пособие / Н.В. Александрова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова». - Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2016. - 127 с.
2. Быстров Г.Е. Совершенствование кооперативного законодательства России: международный и российский правовой опыт [Текст] / Г.Е. Быстров, С.В. Тычинин [Текст] // Кооперативное право. – 2016. - №1 (92).
3. Иванова Е.В. Предпринимательское право [Текст]: учебник для бакалавров: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / Е.В. Иванова; Высш. шк. экономики, Нац. исслед. ун-т. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрайт, 2016. - 269 с.
4. Кооперация, экономика, право: вектор взаимодействия [Текст]: материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава и студентов, 18 апреля 2017 г. / [редакционная коллегия: Р.И. Бунеева и др.]. - Липецк: ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2017. - 90 с.

5. Кооперация без границ: расширение рамок социальной экономики [Текст]: материалы международной студенческой научной конференции, 3-7 апреля 2017 года: в пяти частях / Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», Международная общественная организация «Совет руководителей кооперативных учебных заведений». - Белгород: Изд-во Белгородского ун-та кооперации, экономики и права, 2017-. - 21 см. Ч. 2. - 2017. - 554 с.
6. Мельник Е.А. Коммерческое (торговое) представительство в современной России [Текст]: научная монография / Е.А. Мельник, С.В. Мельник; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации», Орловский фил. - Орел: Орловский фил. РАНХиГС, 2017. - 118 с.
7. Мещеряков Н.Л. Современная кооперация [Текст] / Н.Л. Мещеряков. – М.: Сила, 1924. – 173 с.
8. Основные направления развития кооперации: опыт, проблемы, перспективы [Текст]: материалы Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных Чайновских чтений, 10 ноября 2017 г. / Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации». - Москва; Ярославль: Канцлер, 2017. - 813 с.
9. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы [Текст]: учебное пособие / В.В. Невлев; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права». - Белгород: Изд-во Белгородского ун-та кооп., экономики и права, 2017. - 120 с.
10. Теоретические основы организации и совершенствования планирования в системе потребительской кооперации [Текст]: монография / [И.А. Гашо, О.В. Иовлева, Н.В. Колос, С.В. Ожог]; Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права». - Белгород: Эпицентр, 2018. - 94 с.

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК КОНЕЧНАЯ СТАДИЯ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Бычков Максим Вячеславович
студент ФГБОУ ВО «СГЮА»,
РФ, г. Саратов
E-mail: maximkab1998@mail.ru

Тришина Елена Геннадьевна
научный руководитель, канд. юрид. наук,
доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»,
РФ, г. Саратов

Судебное доказывание является одним из фундаментальных институтов гражданского процессуального права. В отечественном законодательстве отсутствует легальное определение судебного доказывания, однако анализ научной литературы позволяет определить его как урегулированную нормами гражданского процессуального права деятельность суда и лиц, участвующих в деле, направленную на установление фактических обстоятельств дела для правильного и своевременного разрешения дела по существу.

Судебное доказывание представляет собой деятельность, которая состоит из следующих элементов (стадий):

1. представление и истребование доказательств;
2. процессуальное закрепление (фиксация) доказательств;
3. исследование доказательств;
4. оценка доказательств [1, с. 136].

Анализ норм действующего гражданского процессуального законодательства и научной литературы позволяет определить оценку доказательств как окончательный вывод суда по вопросу относимости, допустимости, достоверности и достаточности имеющихся в деле доказательств [2, с. 44].

Одной из актуальных проблем до настоящего времени остается само понятие допустимости. Сущность данного термина понимается исследователями неоднозначно, поскольку отсутствует не только легальное, но и единое доктринальное определение понятия допустимости доказательств. Определить критерии допустимости доказательств не представляется логически возможным,

следовательно, в качестве решения данной проблемы можно рассмотреть включение в гражданское процессуальное законодательство нормы, определяющей критерии недопустимости доказательств. Предлагается внести в ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ часть 3.1 в следующей редакции: при оценке доказательств недопустимыми следует считать доказательства:

1) полученные из источника, в доброкачественности которого имеются сомнения;

2) содержащие сведения, происхождение которых неизвестно и не может быть проверено;

3) полученные с нарушением требований законодательства.

Гражданский процессуальный кодекс РФ определяет, что оценка доказательств производится судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [3]. Следовательно, основополагающим критерием оценки доказательств является внутреннее убеждение суда. В данном случае проявляется принцип свободной оценки доказательств, в соответствии с которым для доказательств не может быть предусмотрена заранее установленная сила. Каждое доказательство, имеющееся в деле, подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами. Действующее законодательство также не предусматривает формальных требований к тому, какие доказательства следует признавать достоверными. Всё вышесказанное является проявлением состязательного процесса, который в настоящее время имеет место в рамках гражданского судопроизводства.

Объективность при исследовании доказательств определяется как отсутствие заинтересованности судей в исходе разрешаемого ими дела. Гарантией объективного исследования доказательств является законодательное закрепление нормы об отводе судьи, а также принцип независимости судей.

У судьи, в отличие от сторон, отсутствует заинтересованность в исходе дела. При исследовании доводов лиц, участвующих в деле, а также доказательств суд не должен принимать позицию только одной из сторон. Суд, выступая

независимым арбитром, обязан всесторонне исследовать доказательства, имеющиеся в деле, в целях принятия законного и обоснованного решения по делу.

Однако одной из актуальных проблем гражданского процессуального права является то, что на практике могут встречаться случаи, когда судья при рассмотрении дела по существу высказывает определенные оценочные суждения относительно рассматриваемого дела. В данном случае ставится под сомнение беспристрастность судьи. В качестве решения данной проблемы можно предложить включение в гражданское процессуальное законодательство нормы, запрещающей суду высказывать оценочные суждения относительно рассматриваемого дела до вынесения и оглашения судебного решения. Предлагается внести в ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ часть 1.1 в следующей редакции: суд не вправе в рамках судебного разбирательства выражать личное мнение относительно рассматриваемого дела.

Полнота собранных по делу доказательств неразрывно связана с правилом их достаточности. Суть данного правила состоит в том, что суд на основе собранных доказательств может сделать однозначный вывод относительно искомого факта. Еще одним проявлением правила достаточности доказательств является наличие у суда права предложить сторонам представить дополнительные доказательства, однако стороны вправе от этого отказаться. В данном случае имеет место проявление принципа состязательности, который является одним из фундаментальных принципов в доктрине гражданского процессуального права.

Непосредственность исследования доказательств означает, что суд должен самостоятельно исследовать доказательства, имеющиеся в деле. Однако законодатель предусмотрел ряд исключений из данного правила. В частности, речь может идти об институте судебных поручений.

По общему правилу оценка доказательств осуществляется судом в совещательной комнате. Однако в ряде случаев суд производит предварительную

оценку доказательств, которая осуществляется до удаления в совещательную комнату [4, с. 57]. Предварительная оценка осуществляется в отношении:

1. процессуальных фактов, к которым относится подведомственность, подсудность, соблюдение истцом правил относительно формы и содержания искового заявления и др.;

2. доказательств, касающихся предмета доказывания. В данном случае суд вправе предварительно оценивать относимость и достаточность данных доказательств в целях облегчения их последующей оценки при вынесении решения.

Отдельно ученые выделяют контрольную оценку доказательств, которая осуществляется вышестоящими судами при проверке судебных решений и определений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке [5, с. 158, 159]. Необходимым условием контрольной оценки доказательств является недопустимость нарушения принципа независимости судей и подчинения их только закону.

В зависимости от субъекта, осуществляющего оценку судебных доказательств, в научной литературе выделяют следующие виды оценки:

1. рекомендательная, которая дается лицами, участвующими в деле. Данный вид оценки судебных доказательств не является для суда обязательным и, следовательно, не имеет юридических последствий. Однако рекомендательная оценка судебных доказательств способствует всесторонней и полной оценке доказательств ввиду учета мнения заинтересованных лиц;

2. властная, которая осуществляется судом. На основе данного вида оценки судебных доказательств суд формулирует свои выводы по существу дела. Таким образом, властная оценка является единственным видом оценки судебных доказательств, которая имеет юридические последствия [6, с. 72].

Таким образом, оценка доказательств играет особо важную роль не только в судебном доказывании, но и в гражданском процессе в целом. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что институт оценки доказательств является достаточно развитым в современной правовой науке.

Однако до настоящего момента существуют вопросы относительно оценки доказательств, которые не урегулированы нормами гражданского процессуального права. В частности, в законодательстве не выработана окончательно концепция допустимости доказательств. Для уяснения данного понятия необходимо обращаться к теории процессуального права. Также, гражданское процессуальное законодательство не содержит норму о запрете суду высказывать оценочные суждения относительно рассматриваемого дела до вынесения и оглашения судебного решения. Законодатель должен стремиться к устранению данных пробелов в целях нормального функционирования гражданских процессуальных отношений.

Список литературы:

1. Гражданский процесс: учебник / М.Ю. Лебедев. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – С.136.
2. Пучинский В. Оценка доказательств в российском гражданском и арбитражном процессуальном праве. М., 2005. С.44
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 18.11.2002. N 46. Ст. 4532.
4. Матюшин Б.Т. Судебное доказывание как элемент судебного познания // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности. Иркутск, 1985. С.57.
5. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1998. С. 158, 159.
6. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., 1982. С. 72.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ГУАНТАНАМО

Власова Ольга Олеговна
магистрант, юридического факультета УлГУ,
РФ, г. Ульяновск
E-mail: furia14@mail.ru

LEGAL STATUS AND VIOLATIONS OF THE RIGHTS OF PRISONERS IN GUANTANAMO BAY DETENTION CAMP

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос правового статуса заключенных в лагере Гуантанамо. Проведен анализ соответствия Женевским конвенциям 1949 года термина «вражеский комбатант», который используется в отношении лиц содержащихся в Гуантанамо.

Ключевые слова: США, лагерь Гуантанамо, вражеские комбатанты, нарушения прав человека, жестокое обращение, международное гуманитарное право, Женевские конвенции.

Проблема определения правового статуса лиц, участвующих в военных действиях и при этом не имеющих права на то, чтобы с ними обращались как с военнопленными, активно обсуждалась в 1949 г. На дипломатической конференции по принятию конвенций по международному гуманитарному праву и в научной литературе 50-х гг. XX в. [1], о чем свидетельствует ситуация, складывавшаяся на протяжении многих лет вокруг статуса лиц, заключенных в Гуантанамо.

После терактов 11 сентября президент Джордж Буш мл. объявил комплексную программу по борьбе с терроризмом. Юридическим обоснованием нового политического курса США стал принятый Конгрессом антитеррористический закон, наделявший президента особыми полномочиями по использованию

военной силы [2]. Согласно закону, президент мог «использовать всю необходимую силу против тех стран, организаций и частных лиц, которые планировали, осуществляли руководство, были исполнителями или содействовали террористическим актам» против США. С ноября 2001 г. по ноябрь 2002 г. по распоряжению президента был издан ряд указов, касавшихся учреждения тюрьмы на базе ВМС США в Гуантанамо, определения статуса заключенных в ней лиц и создания специальных судебных органов- военных комиссий [3, 4]. Эта тюрьма предназначалась для содержания там подозреваемых лиц, захваченных в ходе «глобальной войны с терроризмом» [5]. По признанию Р. Чейни, решение о создании тюрьмы на военной базе именно в заливе Гуантанамо «отчасти было продиктовано Министерством юстиции, объяснившим, что содержание заключенных вне территории Соединенных Штатов преградит им доступ к американским судам» [6].

Указом президента от 22 января 2002 г. для подозреваемых в терроризме заключенных был определен совершенно особый статус «незаконных/вражеских комбатантов». Задержанные и доставленные на Гуантанамо лица подлежали суду специальной военной комиссии, находившейся в ведении Министерства обороны [7], а их статус «боевика» (enemy combatant) определял особый трибунал. По закону о применении военной силы против террористов лицо, признанное в качестве «вражеского комбатанта», фактически могло находиться в заключении бессрочно и без предъявления официальных обвинений и не имело права на адвоката.

После открытия тюрьмы в Гуантанамо Бей для членов Аль-Каиды возникли вопросы о распространении на содержащихся там лиц международного гуманитарного права и международного права прав человека, законодательства США.

Термин «вражеский комбатант» должен был отграничить военнопленных от заключенных в Гуантанамо и тем самым вывести последних из сферы действия Женевских конвенций 1949 г. Кроме того, по признанию Р. Чейни, решение о создании тюрьмы на военной базе именно в заливе Гуантанамо «отчасти было продиктовано Министерством юстиции, объяснившим, что

содержание заключенных вне территории Соединенных Штатов преградит им доступ к американским судам» [8]. Конституция США гарантирует равную для всех находящихся в стране (независимо от гражданства) правовую защиту, поэтому сам факт содержания пленников иностранного происхождения вне территории Соединенных Штатов автоматически выводил их из сферы действия американской системы правосудия. После присвоения заключенному статуса боевика, его дело не могло рассматриваться ни гражданским, ни военным судом США. После присвоения заключенному статуса боевика, его дело не могло рассматриваться ни гражданским, ни военным судом США.

Таким образом, на заключенных в Гуантанамо не распространялись нормы ни Конституции США, ни международного права, а их судьбы, с момента захвата до передачи дела на рассмотрение военной комиссией, зависели от решений главы исполнительной власти.

Однако с такой позицией нельзя согласиться, поскольку лица, принимающие непосредственное участие в вооруженных действиях и не обладающие привилегиями комбатантов, не остаются вне рамок защиты международного гуманитарного права: они подпадают под сферу действия Четвертой Женевской конвенции [9], либо, в случае, если их деятельность угрожает безопасности государства, в отношении этих лиц действуют минимальные гарантии, предусмотренные в ст. 5 Четвертой Женевской конвенции о гуманном обращении и в случае судебного преследования неотъемлемости их права на справедливый и нормальный суд.

Кроме того, и в первом, и во втором случае на них распространяются гарантии, зафиксированные в ст. 75 Первого Дополнительного протокола, которые следует рассматривать в качестве норм международного обычного права (запрет насилия над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц; надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме и др.) [10].

Статус заключённых неоднократно оспаривался перед Верховным судом США. Начало серьезным баталиям по вопросу о правах заключенных Гуантанамо было положено в феврале 2002 г., когда общественным движением «Центр борьбы за конституционные права» от имени трех арестованных (Д. Хикса, Ш. Расула и А. Икбала) был подан иск в окружной суд Вашингтона о незаконном лишении свободы. Дело, известное как «Расул против Буша», а также иск заключенного Я. Хамди, американского гражданина, стали первыми из целой цепочки судебных процессов узников тюрьмы против властей США.

28 июня 2004 г. Верховный Суд США, рассмотрев дело Ш. Расула, вынес решение в пользу истцов. Судьи согласились с аргументацией адвоката Дж. Гиббсона в том, что, несмотря на сохранение суверенитета Кубы, база, находящаяся в бессрочной аренде, в сущности, является анклавом США. В результате суд признал, что иностранные граждане, содержащиеся под стражей за пределами Соединенных Штатов без предъявления обвинения, могли оспаривать факт своего заключения в американском гражданском суде [11].

29 июня 2006 г. Верховный Суд США вынес окончательное решение по делу С. Хамдана. Суд признал, что созданная система военных комиссий нарушает американские законы и международное право. Кроме того, по мнению судей, заключенные тюрьмы Гуантанамо подпадали под действие Женевских конвенций.

В июне 2008 г. Верховный суд в решении по иску Л. Бумедьена постановил: во-первых, закон о военных комиссиях, исключавший федеральные суды США из процесса расследования дел заключенных Гуантанамо, является неконституционным; во-вторых, узники имеют гарантированное Конституцией право подавать петиции на основании Habeas Corpus Act; в-третьих, «Закон об обращении с заключенными» не является адекватным правовым документом [12].

Таким образом, в серии своих исторических решений от 2004-2008 годов Верховный Суд США определил, что:

- суды США компетентны рассматривать вопрос о законности содержания узников Гуантанамо в заключении [11].

- предполагаемые «вражеские комбатанты» имеют право на рассмотрение их дел «беспристрастным органом» [13];

- военные комиссии, созданные в качестве таких органов администрацией президента Буша, незаконны в свете как законодательства США, так и международного права [14];

- и, наконец, права узников Гуантанамо защищены Конституцией США [12].

Однако остались нерешенными вопросы о степени «полноты» прав, вытекающих из Habeas Corpus Act, у заключенных Гуантанамо, а также вопрос о том, в какой мере отдельные положения Конституции США распространяются на тех, кто не является американским гражданином.

Как свидетельствуют многие источники, в том числе данные ООН, что пытки и бесчеловечное обращение в Гуантанамо не были редкостью [15]. Часто это делалось для того, чтобы выстроить обвинение против заключенных, используя их же показания, добытые под давлением, или для получения новых разведанных по организации и деятельности Аль-Каиды и талибов. 11 января 2016 г. Эксперты по правам человека из ООН и ОБСЕ призвали правительство США прекратить нарушение прав человека и гуманитарного права в ходе так называемой «глобальной войны с террором» и как можно скорее закрыть следственный изолятор в Гуантанамо.

Условия содержания и обращения с заключенными там лицами не соответствовали требованиям норм международного права. По меньшей мере, было допущено нарушение ст. 3 общей для всех Женевских Конвенций. В частности п. а) ч. 1 ст. 3 устанавливает прямой запрет на физическую неприкосновенность, а конкретно: всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания. Как минимум две последние категории были официально санкционированы самим президентом Бушем указом от 13 ноября 2001 года. Более того, существует множество свидетельств того, что заключенных в Гуантанамо поддавали жестокому обращению и пыткам. К примеру, Шафик Расул, бывший заключенный Гуантанамо Бей, описывал условия в камере: «камера металлическая, окрашенная изнутри в зеленый цвет. Там был кран,

раковина, унитаз и металлическая кровать. Было крайне жарко из-за постоянно включенного кондиционера. На ночь кондиционер включали на холодную температуру. Было очень холодно, но я не имел ни матраца, ни одеяла» [16]. О подобном обращении говорят не только заключенные, но и результаты проверок различными международными правозащитными организациями, в том числе и Комиссии ООН по правам человека [15].

Международная правозащитная организация Amnesty International опубликовала выводы в связи с очередным посещением тюрьмы: «...Гуантанамо является символом бесправия и несправедливости, чем мобилизует людей к фанатичной ненависти к США...» [17].

Посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение прямо запрещено п. с) ч. 1 ст. 3. Пункт d) запрещает осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными народами. Нарушение этого пункта ст. 3 носило систематический характер, и было оправдано как высшими государственными чиновниками, так и президентом США – Дж. Бушем-младшим. Примером этого может стать как указ президента от 13 ноября 2001 года, так и Закон о военных комиссиях, принятый Конгрессом США в сентябре 2006 года [18]

Необходимо сказать, что на протяжении многих лет представителям международных организаций отказывали в посещении тюрьмы и личном знакомстве с условиями содержания заключенных. Спецдокладчик СПЧ ООН по вопросам пыток аргентинский правозащитник Хуан Мендес заявил, что его запрос на посещение Гуантанамо уже более двух лет остается без ответа.

Новый виток история с тюрьмой в Гуантанамо получила в 2008 г. Во время предвыборной кампании кандидат от Демократической партии Б. Обама пообещал закрыть тюрьму.

Решение Барака Обамы о ликвидации пресловутого объекта было вполне логичным шагом навстречу международному сообществу. Следует иметь в виду,

что ликвидация данного объекта не означает автоматического освобождения заключенных там лиц – они лишь сменяют место своего пребывания.

После своего вступления в должность 22 января 2009 г. президент Обама подписал указы, касавшиеся тюрьмы на Кубе [19, 20, 21]. Президент запретил «жестокие методы дознания» и приказал пересмотреть политику в отношении арестов и содержания под стражей в целом. Отдельным указом была создана специальная межведомственная рабочая группа по решению «проблемы Гуантанамо». Генеральному прокурору поручили координацию работы основных государственных структур и ведомств по подготовке всеобъемлющего доклада о статусе всех заключенных. Министру обороны было предписано прекратить деятельность созданных указом Дж. Буша-мл. военных комиссий и обеспечить условия содержания людей в соответствии с требованиями Женевских конвенций [22].

Рабочая группа по расследованиям подтвердила, что Статья 3, общая для всех Женевских конвенций, является минимальным стандартом, регламентирующим порядок обращения с любым заключённым, находящимся в ведении США в связи с вооружённым конфликтом. В августе 2009 года созданная при рабочей группе оперативная группа завершила свою работу и предоставила рекомендации Министерству юстиции США. Они подтвердили, что Руководящие указания армии США содержат адекватные инструкции лицам, ведущим расследования. Эта оперативная группа также выработала несколько рекомендаций, направленных на снижение риска применения пыток или иных форм дурного обращения в отношении лиц, переданных во власть других государств.

После ряда репутационных скандалов Гуантанамо стала для американской администрации больше головной болью, нежели удобным механизмом в борьбе с терроризмом, и она начала освобождать заключенных. С 2002 по 2012 гг. через стены лагеря прошли в общей сложности 779 человек из 23 стран в возрасте от 25 до 62 лет. В период президентства Буша были выпущены на свободу 537 узников, в том числе 7 граждан России. В 2012 г. В Гуантанамо

содержался 171 узник; 36 из них обвинялись в совершении военных преступлений. 46 заключенных, по мнению властей, представляли опасность, но из-за отсутствия доказательств им не могли быть предъявлены обвинения.

В конце января 2012 г. Верховный комиссар ООН по правам человека Нави Пиллэй – в канун десятилетней годовщины со дня переброски первых задержанных в тюрьму Гуантанамо – выступила с заявлением, в котором выразила «глубокое разочарование» тем, что правительство США до сих пор не закрыло военную тюрьму на Кубе, хотя еще во время своей предвыборной компании Барак Обама обещал сделать это. Таким образом, нельзя не заметить реальных положительных сдвигов в отношении тюрьмы Гуантанамо и содержащихся там лиц. Тем не менее, оборонный бюджет США на 2018 г. не предусматривает закрытие тюрьмы Гуантанамо, в которой на сегодняшний день остаются более 100 заключенных.

Список литературы:

1. Baxter R.R. So-called “Unprivileged Belligerency”: Spies, Guerila and Saboteurs // *British Yearbook of International Law*. 1951. Vol. 28. P. 328.
2. Authorization for Use Military Force, P.L. 107-40 [S.J. Res. 23]. September 18, 2001.
3. Military Order- Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War against Terrorism, November 13, 2001, 66 Fed. Reg. 57833. November 16, 2001.
4. U.S. Department of Defense. Military Commission Order №1. March 21, 2002.
5. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/11/20011113-27.html>.
6. Cheney R. In *My Time: A Personal and Political Memoir* N.Y.: Simon and Schuster, 2011.
7. U.S. Department of Defense. Military Commission Order №1. March 21, 2002 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный веб-сайт]. URL: <http://www.defence.gov/news/Mar2002/d20020321> (Дата обращения: 07.08.2018).
8. Cheney R. In *My Time: A Personal and Political Memoir* N.Y.: Simon and Schuster, 2011.
9. Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 года.
10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года.

11. Rasul v. Bush (03-334), 542 U.S. 466 (2004).
12. Boumediene v. Bush. 553 U.S. 723 (2008).
13. Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004).
14. Hamdan v. Rumsfeld, 548 U.S. 557 (2006).
15. Рапорт Комиссии ООН по правам человека Situation of detainees at Guantanamo Bay. URL: http://www.ohchr.org/english/bodies/chr/docs/62chr/E.CN.4.2006.120_.pdf. п. 20. (Дата обращения: 01.08.2018).
16. Composite statement: Detention in Afghanistan and Guantanamo Bay – Shafiq Rasul, Asif Iqbal and Ruhel Ahmed, URL: <http://www.ccrny.org/v2/reports/docs/GitmocompositestatementFINAL23july04.pdf> (Дата обращения: 03.08.2018).
17. Amnesty International, USA: Guantanamo – An Icon of Lawlessness (2005), URL: <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGAMR510022005> (Дата обращения: 03.08.2018).
18. «USA: Military commissions for 'war on terror' detainees URL: <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGAMR510502006> (Дата обращения: 03.08.2018).
19. Executive Order 13491, Ensuring Lawful Interrogation, 74 Fed. Reg. 4891-4896. January 22, 2009.
20. Executive Order 13492, Review and Disposition of Individuals Detained at the Guantanamo Naval Base and Closure of Detention Facilities, 74 Fed. Reg. 4897-4900. January 22, 2009.
21. Executive Order 13493, Review of Detention Policy Options, 74 Fed. Reg. 4901-4902. January 22, 2009.
22. Garcia M.J., Elsea J.K., Mason R.C., Liu E.C. Closing the Guantanamo Detention Center: Legal Issues. Congressional Research Service Report R40139. March 28, 2011.

СМАРТ-КОНТРАКТЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ И ПЕРСПЕКТИВНОМ БУДУЩЕМ

Вьюхин Илья Анатольевич

*студент, юридический факультет, СПбГЭУ,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: ilyavyukhin@yandex.ru*

Иванюженко Андрей Борисович

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент СПбГЭУ,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Смарт-контракт – запрограммированный компьютерный протокол, с помощью которого происходит либо исполнение обязательств, условий соглашения сторон, либо контроль за исполнением воли сторон. Безопасность данных, передаваемых в смарт-контракт на базе блокчейна, является одним из основополагающих принципов. Безопасность достигается тем, что файл, загруженный в систему, не хранится в целом виде в определенной папке, он по частям, по мелким крупичкам находится на каждом устройстве, подключенном к системе. Ни у кого кроме владельца файла нет к нему полного доступа. В этом заключается вся суть распределительных систем, которым и является блокчейн и на котором работает технология умных контрактов [2].

Смарт-контракты являются частью как юридической науки, так и программирования. Первым заметил это еще в 1985 году Бертран Мейер, разработавший «метод программирования по контракту». Метод заключался в проектировании программного обеспечения по модели построения договора. В 2009 году произошел переход от теории к практике в виде начала работы технологии блокчейн. Смарт-контракты регулировали передачу криптовалюты на базе Bitcoin. И лишь в 2015 году произошло развитие: наш соотечественник Виталий Бутерин запустил блокчейн-платформу Ethereum. В данную платформу Бутерин включил возможность более широкого применения смарт-контрактов [1, с. 12].

Для понимания данной технологии рассмотрим простой и упрощенный смарт-контракт на примере договора аренды помещения. Условие договора

«Арендная плата составляет 30 000 рублей в месяц» можно записать в виде программного кода:

```
var rent = 30000;  
var termActual;  
var termPayment = 10;  
var contractDeadline;
```

Условие «Арендатор вносит арендную плату ежемесячно, не позднее 10 числа» записать как: `function rentPayment (term Actual, contractDeadline, termActual, termPayment) {if (term Actual <contractDeadline &&termActual === termPayment) {return rent;}}` [1, с. 16].

Главная особенность обсуждаемого технологического прорыва заключается в его способности сделать обязательство исполняемым без участия сторон, что позволит свести к минимуму связь между волей и настроением контрагента, а значит не позволит скрыть важные факты, пропустить срок или изменить условия контракта без согласования с другой стороной. Дополнительным плюсом смарт-контрактов является его единство в толковании, так как он записан в виде программного кода, который нельзя толковать двояко.

Смарт-контракты можно использоваться не только в операциях с криптовалютой, как это происходит сейчас, но и со временем распространить их влияние на бизнес-процессы. Классические письменные договоры часто являются предметом прений и судебных процессов из-за отклонения одной из сторон от условий договора или ненадлежащем исполнении из-за неверной трактовки определенного пункта договора. Так как условия договора являются алгоритмами развития ситуации и санкции за ненадлежащее исполнение, то и данные условия можно записать в виде программной модели «если то».

Договор аренды, условия которого были рассмотрены нами вначале, является длящимся правоотношением, суть которого заключается во внесении арендной платы арендодателю, который взамен дает право пользования своей собственностью. В перспективе при возможности передать технологии блокчейн и смарт-контрактам соответственно автоматизированный доступ к помещению

или другому арендуемому имуществу, можно сделать автоматическим как предоставление помещения при заключении контракта и внесения арендной платы, так и закрытия доступа к нему при неоплате за определенный срок, что существенно облегчит жизнь сторон.

Такая перспектива автоматизации является не столь далекой, ведь по такой схеме с использованием примитивных умных контрактов уже работают вендинговые аппараты по продаже кофе или продуктов.

Жизнь организаций, а значит и гражданский оборот может улучшить внедрение смарт-контрактов в систему аккредитива. Из цепочки участников благодаря этому мы убираем кредитные организации, соответственно экономя на комиссии за проведение операции. Проверку документов можно заменить на автоматическую проверку обязательств. Платеж будет проходить только в том случае, когда система получит сигнал о выполнении всех необходимых условий договора (товар прибыл в место назначения, получателем были получены накладные).

В корпоративных отношениях данная технология способна занять главенствующее место. Чего только стоит изложение положений устава, регламентирующего сделки и других документов в смарт-контракте. При изложении этих документов в виде программного кода исчезает проблема искажения воли акционеров, а также различного толкования корпоративных документов. Система может не только исполнять прописанные положения устава, а также следить за нарушением устава и своевременно информировать участников [5].

Сфера использования смарт-контрактов огромна и ограничена только существующими техническими возможностями. На данный момент общедоступный способ создания и действия умных контрактов является блокчейн-платформа Ethereum. Любое лицо, желающее вызвать функцию смарт-контракта обязан оплатить небольшое количество «эфира» - внутренней криптовалюты платформы. Это делается, чтобы ограничить нагрузку на систему и количество самих транзакций.

Для дальнейшего развития этой технологии и его глубоко внедрения в нашу жизнь необходимо оцифровать, ввести вручную следующие данные:

1. Внутренняя система предприятия. Информация о внутренней структуре предприятия, их действия можно передавать в смарт-контракт.

2. Публичные государственные базы данных. К таким реестрам можно отнести ЕГРЮЛ, ЕГРН и другие. За безопасность этих данных можно не беспокоиться из-за принципов работы блокчейн.

3. Банки. Для привязки счета стороны контракта и более легкого осуществления платежей, а также конвертации во внутреннюю валюту по ныне существующему курсу [3].

Таким образом, технология смарт-контрактов является приоритетным направлением развития в России и нуждается в законодательном урегулировании и приравнивании смарт-контракта к обычному договору. И как бы это не звучало, будущее близко, доказательством тому является факт того, что в мае 2018 году Sberbank CIB и МТС выпустили облигации с расчётами в рублях на смарт-контрактах на базе блокчейн-платформы НРД.

Список литературы:

1. Вашкевич А.М. Смарт-контракты: что, зачем и как. — М.: Симплоер, 2018 — 89 с.
2. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. СМАРТ-КОНТРАКТЫ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 5.
3. Осмоловская А.С. СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ФУНКЦИИ И ПРИМЕНЕНИЕ // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10).
4. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: - URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smartkontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (Дата обращения: 15.09.2018).
5. Что такое смарт-контракты (умные контракты) на базе блокчейна? [Электронный ресурс] // Майнинг криптовалюты: информ.-аналит. портал. — URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/umnye-smart-kontrakty/> (Дата обращения: 16.09.2018).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ В РФ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Исмаилова Полина Сергеевна

*магистрант,
кафедра гражданского права юридического факультета, ПГНИУ,
РФ, г. Пермь
E-mail: Shumilyan-po@mail.ru*

Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ [5] внесены крупномасштабные изменения в часть 3 ГК РФ. В частности, новой редакцией ГК РФ предусмотрено, что завещание может являться не только единоличным, но и совместным. Указанные изменения носят поистине революционный характер: в российской цивилистике завещание традиционно рассматривается как односторонняя сделка, содержащая волеизъявление лишь одного лица [1].

Правовая конструкция завещания с множественностью лиц на стороне завещателя критиковалась в юридической литературе в первую очередь по причине того, что такая конструкция противоречит сущности завещания, поскольку в результате каждый из завещателей утрачивает свободу завещания [4]. Р.Ю. Закиров также отмечал, что требование об исключительно единоличном характере завещания способствовало формированию более единообразной правоприменительной практики (органов нотариата и судов), связанной с наследованием по завещанию [3].

Авторы же законопроекта объясняли вносимые изменения необходимостью предотвращения семейных конфликтов в связи с разделом наследственного имущества после смерти одного из супругов. Однако, вступающие в силу с 2019 г. изменения, касающиеся совместных завещаний, порождают еще большее количество вопросов и противоречий, нежели ранее действовавшие нормы.

Для анализа проблемных вопросов, связанных с новым для РФ институтом совместных завещаний, представляется необходимым обратиться к опыту зарубежных стран, в которых данный институт уже существует и применяется на практике. При этом наиболее актуальным видится анализ опыта бывших

социалистических республик в связи с исторической общностью их правовых систем с правовой системой России и с наличием сходных проблем при переходе к рыночной экономике и к правовому регулированию, соответствующему новым потребностям гражданского оборота.

Одной из таких стран является Латвийская Республика, в Гражданском Законе (далее – ГЗ ЛР) которой закреплён институт взаимных завещаний [2], имеющий определенное сходство с вводимым в России институтом совместных завещаний. В то же время, сравнительный анализ правовых норм ГЗ ЛР и части 3 ГК РФ в новой редакции позволяет выявить ряд существенных различий в правовом регулировании совместных завещаний в Латвии и РФ.

Новой редакцией п. 4 ст. 1118 ГК РФ предусматривается возможность совершения совместного завещания. Однако, субъектами такого завещания могут быть только супруги, при этом важно отметить, что требуется состоять в браке на момент совершения совместного завещания (следовательно, невозможно совершение совместного завещания между будущими или бывшими супругами).

В Латвии же институт совместных завещаний носит более широкий характер. ГЗ ЛР допускает совершение многосторонних завещаний, субъектный состав и количество субъектов для которых не ограничены. В рамках многосторонних завещаний дополнительно выделяются взаимные завещания, отличающиеся тем, что в таком завещании два или более лиц (которые, очевидно, могут не являться супругами) взаимно назначают себя наследниками один после другого (ст. 604 ГЗ ЛР).

Из новой редакции п. 4 ст. 1118 ГК РФ можно сделать вывод о том, что совместное завещание носит предельно фидуциарный характер: супруги, совершившие такое завещание, фактически не связаны им и вправе в любой момент, в том числе и после смерти другого супруга, отменить совместное завещание или совершить новое завещание. Единственной гарантией, предусмотренной для супруга-участника совместного завещания, является закрепление в законе обязанности нотариуса уведомлять другого супруга о факте отмены совместного завещания или совершения последующего завещания.

Несколько иные правила предусмотрены в Латвии. Согласно ст. 606 ГЗ ЛР, отмена одним из участников взаимного завещания своих распоряжений по общему правилу не влечет недействительности распоряжений других завещателей. В ГК РФ же возможна лишь полная отмена совместного завещания как единого акта, но не допускается отдельная отмена распоряжений одного из завещателей.

Исключением являются предусмотренные ст. 604 ГЗ ЛР корреспективные завещания – завещания, для действительности распоряжений в которых необходимо наличие согласованной воли на их установление, исходящей от всех завещателей. Взаимное завещание супругов, согласно ст. 605 ГЗ ЛР, презюмируется корреспективным.

Корреспективные завещания отличаются в первую очередь тем, что, согласно ст. 608 ГЗ ЛР, отмена распоряжения одним из завещателей приводит к отмене всего взаимного завещания, за исключением случая, когда другой завещатель, получив информацию о совершенной отмене, сохранил в силе свои распоряжения.

Таким образом, проведя аналогию с правовыми нормами, действующими в Латвии, можно прийти к выводу о том, что по ГК РФ все совместные завещания супругов являются корреспективными; при этом отмена распоряжения одним из супругов возможна лишь в форме отмены всего совместного завещания, без исключений и какой-либо возможности сохранить в силе распоряжения второго супруга, извещенного об отмене. Представляется, что подобное регулирование в РФ обусловлено сущностью совместного завещания как единого акта, в котором выражена согласованная воля обоих супругов: в случае, если воля на сохранение в силе таких распоряжений со стороны одного из супругов отсутствует, совместное завещание утрачивает свою силу.

Право на отмену совместного завещания после смерти одного из завещателей в Латвии не является безусловным. Возможны два варианта, для которых предусмотрено различное правовое регулирование. В соответствии со ст. 610 ГЗ ЛР, если переживший завещатель был назначен в качестве наследника

умершего и принял наследство, то завещание, составленное вторым в пользу первого завещателя, вследствие смерти первого погашается. Если же взаимное завещание было составлено в пользу третьего лица (например, в пользу детей), то, согласно ст. 609 ГЗ ЛР, после смерти одного из завещателей второй может отменить совместное завещание только в том случае, если откажется от наследования по завещанию того имущества, которое перейдет к наследникам по закону после умершего.

Интересно, что аналогичная норма предусмотрена и в ГГУ: переживший супруг может отменить свои распоряжения, содержащиеся в совместном завещании, в случае отказа от наследственного имущества, причитавшегося ему по совместному завещанию [6].

Представляется, что право на отмену совместного завещания после смерти одного из супругов должно быть ограничено и в РФ, поскольку в противном случае отсутствуют какие-либо гарантии исполнения завещательной воли первого супруга: фактически, ее реализация полностью зависит от усмотрения пережившего супруга. Полагаем, что отвечать целям данного института будет закрепление в качестве условия отмены пережившим супругом совместного завещания его отказ от наследства по совместному завещанию. В таком случае будет, на наш взгляд, снижена возможность злоупотребления правом со стороны пережившего супруга.

Таким образом, представляется, что институт совместного завещания в РФ и Латвии имеет значительное сходство. В то же время, анализ зарубежного опыта показывает необходимость совершенствования норм о совместном завещании в ГК РФ, в частности, путем ограничения права пережившего супруга на отмену совместного завещания.

Список литературы:

1. Барщевский М.Ю. Наследственное право. М., 2006. С. 56.
2. Гражданский закон Латвийской Республики // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.pravo.lv/likumi/05_2_gz.html (Дата обращения: 22.09.2018).

3. Закиров Р.Ю. Наследование по завещанию: вопросы теории и практики: Монография. Казань: Отечество, 2008. С. 68.
4. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. – М.: Юрист, 2002. С. 80.
5. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Российская газета. № 160. 25.07.2018.
6. Путинцева Е.П. Способы выражения последней воли наследодателя по законодательству РФ и ФРГ // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://old.notariat.ru/press_2593_23.aspx.htm (Дата обращения: 22.09.2018).

ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТ. 199.1 УК РФ

*Кальван Антон Васильевич
магистрант, НЮИ (ф) ТГУ,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: Kalvananton@gmail.com*

Доходы бюджета Российской Федерации складывается из разных поступлений денежных средств. Одной из важнейших составляющих доходов бюджета являются налоговые поступления. Эти поступления дают возможность финансировать системы здравоохранения и образования, выплачивать пособия инвалидам, студентам, многодетным семьям и другим категориям граждан, реализуются приоритетные национальные проекты и программы. Уклонение от уплаты налогов представляет собой весьма негативное явление, подрывающее финансовые основы государства. Поэтому особое значение имеет система мер противодействия подобным деяниям, в которой уголовно-правовые меры имеют важное значение. Непоступление огромных сумм в фонды государства подрывает устойчивость бюджетной системы, нарушает принципы правового государства, создает социальную напряженность в обществе.

По действующему налоговому законодательству налоговые агенты обязаны обеспечить исчисление, удержание и перечисление в бюджет налогов с доходов, являющихся объектом налогообложения по НДФЛ (ст. 226 Налогового кодекса РФ), а также в отдельных случаях по НДС (ст. 167 НК РФ) и налогу на прибыль организаций (ст. 286 НК РФ).

Наиболее распространенной формой участия налоговых агентов в налоговых правоотношениях является обеспечение поступления в бюджет НДФЛ с оплаты труда, дивидендов, процентов, доходов от операций с ценными бумагами и других доходов физических лиц.

Неисполнение обязанностей налогового агента образует состав преступления, предусмотренного статьей 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, если в бюджет не поступили налоги в крупном или особо крупном размере, а само неисполнение обязанностей преследовало личные интересы.

Для привлечения к уголовной ответственности по статье 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации требуется установление всех элементов состава преступления, в том числе установление субъективной стороны.

Обязательным признаком субъективной стороны данного преступления является специальный мотив – личный интерес виновного в совершении преступления. Он может заключаться в извлечении выгоды имущественного, неимущественного характера.

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» «личный интерес как мотив преступления может выражаться в стремлении извлечь выгоду имущественного и неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т. п.».

По поводу понятия личного интереса в науке уголовного права нет единого мнения.

А.Н. Лясколо, изучая понятие личный интерес, предлагает разделять личный имущественный и личный неимущественный интересы. Личный имущественный интерес включает восемь типовых обстоятельств, воспринимаемых судами как проявление личных интересов при неисполнении обязанностей налогового агента, личный неимущественный пять. Между тем, автор не дает общее понятие личного интереса.

А.Г. Черных также рассматривает проблему неопределенности понятия личный интерес применительно к статье 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако автор также не приходит к конкретному определению личного интереса.

Некоторые авторы вообще предлагают исключить данный признак в связи с его неопределенностью, например В.А. Меженин [14, с. 18].

Е.В. Белов полагает, что «указанный в законе мотив имеет право на существование, но необходимо более четкое судебное толкование по его содержанию» [2, с. 23].

И.М. Середа считает, что «выгоду неимущественного характера детализирует целый набор таких же субъективно-оценочных признаков, как личные интересы. Какую выгоду имущественного характера можно рассматривать в контексте неисполнения обязанностей налогового агента, не разъясняется. В отсутствие четких и понятных критериев определения личных интересов налогового агента судебная практика по делам данной категории складывается весьма противоречиво» [10, с. 2].

Таким образом, большинство споров в науке уголовного права сводятся к неопределенности толкования понятия личный интерес применительно к статье 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В правоприменительной практике также нет единого толкования о том, что следует понимать под обязательным признаком субъективного состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Суды по-разному определяют понятие личного интереса при совершении преступления, предусмотренного ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Нами проанализированы множество приговоры судов первой инстанции за период 2015-2018 гг. применительно к статье 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ниже приведены выдержки из судебных актов относительно определения судом личного интереса.

1. Юдин А.В., преследуя личные интересы, выраженные в стремлении извлечь выгоды имущественного и неимущественного характера, в стремлении создать и поддерживать собственный авторитет и имидж успешного руководителя в глазах работников предприятия, деловых партнеров, а также обусловленные побуждениями карьеризма и желанием приукрасить действительное положение в сфере финансово – хозяйственной деятельности предприятия... [16, с. 6];

2. Бабаян Р.Н. руководствовался личными интересами, которые заключались в стремлении увеличить за счет удержанных, но не перечисленных в бюджет сумм НДС, оборотные средства предприятия, чтобы при негативной финансовой тенденции осуществляемой хозяйственной деятельности сохранить ее объемы, и, как следствие, совокупный доход ООО «<данные изъяты>», а, соответственно, и свой личный доход как генерального директора (работника) предприятия, а также номинальную и действительную стоимость и доходность принадлежащей ему доли 100 % уставного капитала ООО «<данные изъяты>», возможность получения дивидендов с производством их выплаты, а также в стремлении сохранить имущество предприятия, используемое для извлечения прибыли. Одновременно, Бабаян Р.Н. руководствовался необходимостью сохранения рабочих мест и постоянного дохода его близких родственников и супруги, работавших на различных должностях в ООО «<данные изъяты>». Кроме того, Бабаян Р.Н. руководствовался мотивами личного неимущественного характера в виде сохранения своего личного авторитета среди работников предприятия и иных лиц, как руководителя, не допускающего в кризисный для организации период ее банкротства и сохраняющего производственную деятельность, а также сохранения положительной кредитной истории (не допущения пропуска платежей, расторжения существующих кредитных договоров и взыскания имущества, заключения новых) для возглавляемого Общества и для себя лично, как его руководителя [17, с. 4];

3. Кравец В.М. из корыстной и иной личной заинтересованности, заключающейся в осуществлении расчетов с поставщиками, оплате по кредитным договорам, возврате заемных денежных средств, производстве оплаты налоговых платежей и платежей в бюджет, выдаче денежных средств в подотчет, а также в желании приукрасить действительное финансовое состояние Общества, создавая видимость успешности его работы, на цели, связанные с хозяйственными нуждами Общества, генеральным директором и соучредителем которого он являлся [18, с. 7];

4. Личные интересы, то есть с целью сохранения своего должностного положения и стабильного заработка, стремясь поднять свой авторитет в глазах работников предприятия, для создания видимости стабильной работы предприятия. Кроме того, личный интерес Д. в деятельности возглавляемого им Общества проявлялся в том, что, он являлся руководителем общества и получал заработную плату и премии [19, с. 3];

5. Личный интерес заключается в поддержании жизнеспособности возглавляемого им предприятия за счет интересов государства, желание показать себя эффективным управленцем, в получении имущественных выгод для своих знакомых и родственников, являющихся учредителями и руководителями данных предприятий, а также в стремлении поддержать финансово-хозяйственную деятельность этих предприятий и получение ими финансовой прибыли [20, с. 11];

6. Дудоров А.Н., будучи собственником предприятия и его руководителем, стремился извлечь имущественную выгоду для личного обогащения от деятельности предприятия пропорционально вложенной им доли. Иная личная заинтересованность Дудорова А.Н. заключалась также в стремлении создать имидж успешного руководителя перед контрагентами Общества, в целях возможности заключения в дальнейшем выгодных сделок [21, с. 7];

7. Ринейский А.М., будучи генеральным директором Общества, действуя умышленно, в личных интересах, выразившихся в направлении денежных средств, подлежащих перечислению в бюджет в виде НДФЛ, на цели, заключающиеся в желании приукрасить действительное финансовое состояние Общества, создавая видимость успешности его работы, выглядеть в глазах работников и контрагентов предприятия более успешным и компетентным руководителем, на цели, связанные с хозяйственными нуждами Общества, а так же на иные цели, не связанные с хозяйственными нуждами Общества, тем самым преследуя свои личные интересы, заключавшиеся в желании оставаться в занимаемой должности максимально долгое время и продолжать осуществление успешной карьеры, обеспечивающей дополнительные блага,

с целью извлечь из своего положения выгоду имущественного характера, собственного стабильного заработка и иных имущественных выгод, то есть действия в интересах работодателя акционера ООО «СПК-Инвестсервис» [22, с. 10];

8. Суковатиков А.В., действуя в личных интересах, выразившихся в желании упрочить свое положение как единственного участника и генерального директора общества, повысить свой авторитет, поддержать свой имидж перед партнерами предприятия как порядочного, надежного и честного руководителя организации, а также желая и в дальнейшем руководить ООО [23, с. 5];

9. Так, Щипицын Д.С., действуя умышленно, в личных интересах, заключающихся в желании обеспечить стабильную работу предприятия, улучшить финансовое положение предприятия за счет средств, не принадлежащих предприятию, обусловленных карьерными побуждениями – в интересах своего личного служебного положения, поддержанием личного авторитета и повышением деловой репутации успешного руководителя среди работников предприятия, желанием создать благоприятные условия работы для себя лично и подчиненных ему сотрудников, для создания видимости исключительно успешного руководства предприятием, с целью извлечения лично для себя имущественной выгоды от имеющихся в <данные изъяты> оборотных средств [24, с. 5];

10. Бережко А.В. в личных интересах, стремясь выглядеть в глазах акционера, работников организации более успешным и компетентным руководителем [25, с. 11];

11. Невыполнение обязанностей налогового агента Шакуровым совершено в личных интересах, выразившихся в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную побуждением карьеризма, желанием приукрасить действительное положение дел в организации и проявлением себя как успешного руководителя, обеспечивающего бесперебойное функционирование предприятия, закупку товаров, работ и услуг, а также выпуск продукции [26, с. 3];

12. Являясь единоличным исполнительным органом управления Общества и единственным акционером, будучи заинтересованным в улучшении

коммерческой деятельности фактически принадлежащего и контролируемого им предприятия и, как следствие, в увеличении своего личного благосостояния, осужденный, стремился обеспечить хозяйственную деятельность предприятия, используя для решения текущих финансовых проблем удержанные с работников предприятия суммы налога на доходы физических лиц, не принадлежащие обществу и подлежащие перечислению в бюджет [27, с. 6].

Таким образом, обобщая изученные судебные приговоры отметим, что практически во всех приговорах по статье 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации встречаются одинаково определенные судами признаки личного интереса, как то:

- создание и поддержание собственного авторитета и имиджа успешного руководителя в глазах работников предприятия, деловых партнеров,
- желание приукрасить действительное положение в сфере финансово – хозяйственной деятельности предприятия,
- имущественная выгода для личного обогащения от деятельности предприятия пропорционально вложенной им доли,
- сохранение личного дохода, как генерального директора (работника) предприятия,
- получение имущественных выгод для своих знакомых и родственников, являющихся учредителями и руководителями данных предприятий.

Между тем очень редко встречаются такие признаки личного интереса, как:

- сохранение положительной кредитной истории для возглавляемого Общества и для себя лично, как его руководителя,
- обеспечение оплаты сотовой связи, аренды автомобиля и других управленческих расходов в пользу виновного лица [28, с. 9],
- преимущественные расчеты с контрагентами и стимулирующие выплаты менеджменту как проявление карьерных побуждений [29, с. 10],
- расходы на оплату корпоративных мероприятий как желание повысить свой личный авторитет.

Предлагаем при рассмотрении и разрешении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, исходить из того, что личный интерес, как обязательный признак субъективной стороны ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации представляет собой побуждение лица совершить преступление, предусмотренное ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в целях сохранения и преумножения личного дохода на предприятии, дохода аффилированных лиц, предприятия, создания и поддержания собственного авторитета и имиджа успешного руководителя, желания приукрасить действительное положение в сфере финансово – хозяйственной деятельности предприятия.

Список литературы:

1. Александров И.В. Расследование налоговых преступлений: Учебное пособие для магистров. – М.: Юрайт. – 2014. – 405 с.
2. Белов Е.В. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации. Научно-практическое пособие // Юриспруденция. 2016. – 233 с.
3. Березин И.Г., Розовская Т.И., Стаценко В.Г. Налоговые преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности предварительного расследования: Учебно-практическое пособие. М.: КРЕДО, 2011. – 112 с.
4. Бугаевская Н.О. К вопросу о понятии налогового преступления // Вестник МГУ. Серия: Юриспруденция. 2011. N 2. С. 5-9.
5. Клепицкий И.А. Налоговые преступления в уголовном праве России: эволюция продолжается // Закон. — 2007. — Июль. — С. 168.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / Под ред. д.ю.н., проф. С.В. Дьякова и д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2015. – 460 с.
7. Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): Монография. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2011. – 286 с.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: Монография. В 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2015. – 976 с.
9. Путилин Д. Опасные налоговые схемы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. С. 44; Бакаев А.В. Налоговые преступления: историко-сравнительный и уголовно-правовой анализ: Автореф. дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2009. – С. 10.
10. Серeda И.М. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей налогового агента // «Государство и право. Юридические науки». 2015. – С. 2.

11. Соловьев И.Н. Уголовная ответственность организации за уклонение от уплаты налогов // Налоговый вестник. 2013. N 7. С. 91-92.
12. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: Учебник по специальностям "Правоохранительная деятельность", "Правовое обеспечение национальной безопасности" / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013. – 340 с.
13. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. М.: Союз криминалистов и криминологов; Криминологическая библиотека; Российский криминологический взгляд, 2015. – 481 с.
14. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента: Автореферат кандидата юридических наук. Ставрополь, 2009. С. 10; Хуснутдинова Е.В. Уголовная ответственность налоговых агентов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. – С. 18.
15. Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми по делу № 1-205/2018.
16. Архив Вяземского районного суда Смоленской области по делу №1-118/2018.
17. Архив Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по делу №1-137/2018.
18. Архив Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу №1-30/2012.
19. Архив Лысьвенского городского суда Пермского края по делу №22-3640/2015.
20. Архив Октябрьского районного суда г. Мурманска по делу №1-20/2016.
21. Архив Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по делу №1-285/2016.
22. Архив Череповецкого городского суда Вологодской области по делу № 1-762/2017.
23. Архив Златоустовского городского суда Челябинской области по делу № 1-282/2015.
24. Архив Советского районного суда г. Астрахани по делу № 1-14/2018.
25. Архив Октябрьского районного суда г. Уфы по делу №22-817/2017.
26. Архив Фрунзенского районного суда г. Владимира по делу № 22-292/2017.
27. Архив Первомайского районного суда г. Кирова по делу N 1-333/2010.
28. Архив Артемовского городского суда Свердловской области по делу N 1-214/2010.

СУБЪЕКТЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Краснова Юлия Владиславовна
магистрант кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии,
РФ, г. Саратов
E-mail: postmeister@yandex.ru

Уголовное судопроизводство представляет собой разновидность правоотношения. С точки зрения теории права любое правоотношение имеет определенную структуру, в состав которой входят такие элементы как: объекты, субъекты, содержание (субъективные права и юридические обязанности) [3, с. 56].

Объектом уголовно-процессуального правоотношения является запрещенная уголовным законодательством деятельность, которая пресекается с помощью и в рамках процессуальных норм. Содержание отношений составляют закрепленные в УПК РФ субъективные права и обязанности участников процесса, а также процессуальная ответственность.

Субъектами уголовно-процессуального правоотношения выступают их участники – носители процессуальных прав и обязанностей, каждый из которых имеет четко оговоренный в законе статус.

Глава 5 УПК РФ разделяет всех участников уголовного судопроизводства на четыре группы: суд, участники со стороны обвинения, участники со стороны защиты, иные участники.

Обособленное выделение суда как субъекта процессуального отношения означает его особое место в процессе. Согласно п.1 ч.1 ст.29 УПК РФ только суд признает лицо виновным в совершении преступления и может назначить ему наказание, принудительные меры медицинского характера, воспитательного воздействия, решает вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания и т. д.

В связи с этим суд должен быть объективен, независим и беспристрастен. Только независимый суд может в полной мере защитить права и свободы человека и гражданина, а также обеспечить равенство участников судопроизводства [2, с. 56].

В процессуальном споре принимают участие две стороны, интересы которых априори противоречат друг другу – это сторона обвинения и сторона защиты. Закон, наделяя стороны правами и обязанностями, максимально обеспечивает их равенство, без которого становится невозможным объективное рассмотрение дела. Без равенства сторон нельзя представить справедливое разбирательство, столь необходимое для принятия законного судебного решения [3, с. 56].

Субъектами процессуального отношения со стороны обвинения выступают прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя. Круг данных субъектов весьма широк, каждый из них наделен определенным кругом компетенции. Данные участников объединяет общая заинтересованность в привлечении виновного к ответственности, возмещении убытков, восстановлении справедливости.

В зависимости от наличия (либо отсутствия) собственного интереса в разрешении уголовного дела предлагается выделить три группы, составляющие круг участников процесса со стороны обвинения: 1) участники, действующие от имени государства и не имеющие личного интереса в разрешении дела (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, дознаватель); 2) участники, действующие от своего имени, и лично заинтересованные в разрешении дела (потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец); 3) участники, отстаивающие интересы другого лица в силу родства, занимаемой должности либо на основании заключенного соглашения (представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя).

Несмотря на разные роли в процессе, данные участники объединены общим интересом и должны взаимодействовать друг с другом [1, с. 111] с целью решения общих задач – привлечения лица к уголовной ответственности, возмещения вреда и восстановления социальной справедливости.

Применительно к судебному следствию круг данных субъектов в некоторой степени трансформируется и из числа участников процесса со стороны обвинения исключаются следователь, руководитель следственного органа, орган дознания и дознаватель. Прокурор приобретает статус государственного обвинителя.

Предлагается, как и в предыдущем случае, классифицировать данных субъектов в зависимости и заинтересованности в разрешении дела, в частности, предлагается выделить: 1) участников, имеющих личный интерес в уголовном деле (подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик); 2) участников, представляющих интересы другого лица в силу родства, занимаемой должности либо по соглашению.

Данных субъектов объединяет общий интерес – защита от обвинения, смягчение либо избежание уголовной ответственности для подсудимого, а для гражданского ответчика – гражданской.

Защита интересов определенного лица далеко не всегда означает противодействие предъявленному обвинению, его отрицание и поиск оправдывающих обстоятельств. При признании обвиняемым вины в содеянном, защита, как правило, заключается в поиске вариантов смягчения мер ответственности. В отличие от участников со стороны обвинения, о чем уже говорилось выше, какого-либо изменения субъектов со стороны защиты, при переходе из стадии предварительного расследования в судебное разбирательство не происходит. Замена защитника либо представителя возможна лишь по воле обвиняемого либо гражданского ответчика. Данное обстоятельство ставит сторону защиты в более выгодное положение, поскольку линия защиты может вестись одним защитником с момента возбуждения дела и до принятия окончательного решения, в то время как линия обвинения прерывается, поскольку передается от следователя (дознавателя) государственному обвинителю, которому требуется приложить не мало усилий для изучения всех деталей дела.

Так называемые «иные участники процесса» - это субъекты, не имеющие личной заинтересованности в разрешении дела. Они призваны обеспечить процесс доказывания. При этом свидетель сам является носителем данной

информации, поскольку лично или косвенно воспринимал те или иные обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу. По поводу личной незаинтересованности свидетелей следует сделать одну оговорку. На практике имеют место ситуации, когда свидетель прямо или косвенно имеет некую заинтересованность в исходе уголовного дела, поскольку является родственником, близким знакомым, другом обвиняемого. В такой ситуации задача суда состоит в том, чтобы данные им показания оценить критически в совокупности с иными, имеющимися по делу доказательствами. Эксперт и специалист используют свои специальные познания для решения важных вопросов по делу, которые не могут быть разрешены без их участия. Понятой обеспечивает соблюдение законности при проведении ряда следственных действий, где его участие предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством (обыск, выемка, осмотр и т. п.). Понятые при производстве следственных действий в суде не участвуют. Однако при наличии сомнений в законности действий следователя (дознателя), при которых они присутствовали, понятые могут быть допрошены в ходе судебного следствия в качестве свидетелей.

На основании изложенного следует сделать ряд выводов.

Во-первых, субъекты уголовно-процессуальных отношений делятся на четыре группы (суд, участники со стороны обвинения, участники со стороны защиты, иные участники). Данное деление основано на принципах независимости суда и состязательности сторон.

Во-вторых, субъектов, выступающих со стороны обвинения, объединяет их общая заинтересованность в привлечении виновного к ответственности, возмещении причиненных убытков, восстановлении социальной справедливости. Субъектов, выступающих со стороны защиты, связывает их стремление избежать либо смягчить уголовную ответственность для подсудимого либо гражданскую – для гражданского ответчика.

В-третьих, группу «иных участников уголовного судопроизводства» объединяет отсутствие личной заинтересованности в разрешении дела.

Исключение могут составлять отдельные свидетели, к показаниям которых суд должен относиться с особой осторожностью.

В-четвертых, субъектный состав участников судопроизводства на стадии предварительного расследования и этапе судебного следствия несколько отличается. Со стороны обвинения в судебном следствии не участвуют субъекты, осуществлявшие расследование, а прокурор получает статус государственного обвинителя. Участники процесса со стороны защиты, как правило, неизменны, что дает им определенные преимущества при построении и ведении линии защиты.

Список литературы:

1. Винокуров Л.В. Правовое обеспечение взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда (на стадии предварительного расследования) // Бизнес в законе. – 2011. – №2. – С.111.
2. Камардина А.А. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 56.
3. Новикова Ю.С. Некоторые особенности структуры правоотношений // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 3 (10). – С. 56.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 2016. – № 7145 (277). –С. 2-4.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Плешков Павел Викторович

*магистрант, кафедра конституционного и финансового права
юридического факультета, ПГНИУ,*

РФ, г. Пермь

E-mail: naglfar159@yandex.ru

Обязательность принятия государственным служащим мер по урегулированию конфликта интересов обеспечивается закрепленными в законодательстве санкциями за неисполнение данной обязанности. При этом, если правонарушение заключалось исключительно в непринятии необходимых в соответствии с законодательством мер по урегулированию конфликта интересов и не имело признаков административного правонарушения или преступления, государственный служащий несет только дисциплинарную ответственность. Однако, порядок привлечения к ответственности и виды дисциплинарных взысканий, которые могут быть применены в такой ситуации, сопряжены с некоторыми проблемными вопросами.

В силу ч. 6 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции», непринятие лицом, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов влечет его увольнение в соответствии с законодательством РФ [4].

Стоит отметить, что представление руководителем государственного органа материалов проверки, свидетельствующих о несоблюдении государственным служащим требований об урегулировании конфликта интересов, является одним из оснований для проведения заседания комиссии по урегулированию конфликта интересов.

По итогам рассмотрения данного вопроса комиссия может установить факт несоблюдения государственным служащим требований об урегулировании конфликта интересов. В случае принятия такого решения комиссия рекомендует руководителю государственного органа указать государственному служащему на недопустимость нарушения соответствующих требований либо применить к государственному служащему конкретную меру ответственности.

Следовательно, решение комиссии выполняет роль рекомендации и не имеет обязательной юридической силы для руководителя государственного органа. Важно отметить, что рекомендательный характер принимаемых комиссиями решений означает невозможность их самостоятельного обжалования в суде [1].

Таким образом, государственному служащему, не согласному с примененной в отношении него мерой дисциплинарного взыскания, следует обжаловать не решение комиссии, на основании рекомендаций которого применена данная мера, а само дисциплинарное взыскание, примененное работодателем.

Исходя из буквального толкования ч. 6 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции», единственной мерой дисциплинарной ответственности, которая может быть применена к государственному служащему в случае непринятия указанных мер, является увольнение государственного служащего.

Однако, буквальное толкование закона противоречит положениям, согласно которым комиссия может по итогам рассмотрения материалов проверки, свидетельствующих о несоблюдении государственным служащим требований об урегулировании конфликта интересов, применить к государственному служащему «конкретную меру ответственности». Таким образом, в Положении отсутствует указание на то, что единственной мерой ответственности является увольнение.

Статья 59.2 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» предусматривает увольнение в связи с утратой доверия в случае непринятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов. Однако, статьей 57 данного ФЗ предусмотрены и иные дисциплинарные взыскания, такие, как замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии.

Согласно ч. 2 ст. 59.3 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», при применении взысканий учитываются характер коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства его совершения и т. д. Важно также отметить, что, согласно ч. 3.1 данной статьи, при малозначительности

коррупционного правонарушения, на основании рекомендации комиссии по урегулированию конфликтов интересов к гражданскому служащему может быть применено взыскание в виде замечания [3].

Таким образом, очевидно, что законодателем допускается и применение иных мер ответственности помимо увольнения в связи с утратой доверия.

Данная позиция находит свое подтверждение и в юридической литературе. Так, по мнению Т.А. Тухватуллина, утрата доверия представляет собой исключительно субъективное отношение к государственному служащему, которое формируется у работодателя на основе множества обстоятельств, связанных с деятельностью государственного служащего, его репутацией, личными, моральными качествами. Поэтому такие ситуации, как несвоевременное направление уведомления о конфликте интересов или о возможности его возникновения, не во всех случаях влекут утрату доверия работодателя к государственному служащему.

В связи с изложенным, увольнение в связи с утратой доверия, как отмечает Т.А. Тухватуллин, должно осуществляться на основе индивидуального подхода, учета степени вины государственного служащего, уважительности причин непринятия мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов [6].

Представляется возможным согласиться с мнением Т.А. Тухватуллина. Применение такой меры, как увольнение в связи с утратой доверия, ко всем без исключения государственным служащим, не принявшим обязательные меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, представляло бы собой воплощение формализма. Необходимо в каждом случае оценивать все обстоятельства дела и принимать кадровые решения на их основе.

Важно также отметить, что на практике меры дисциплинарного характера по фактам нарушений требований, связанных с неуведомлением или несвоевременным уведомлением о конфликте интересов, применяются, как правило, в виде объявления служащим замечаний и выговоров; увольнения в связи с утратой доверия применяются в исключительных случаях и носят единичный

характер. Это подтверждается и судебной практикой: достаточно часто в подобных случаях государственному служащему объявляется выговор [2], выносится предупреждение о неполном должностном соответствии [5].

Таким образом, привлечение государственного служащего к дисциплинарной ответственности всецело зависит от представителя нанимателя, поскольку именно он уполномочен применять к государственному служащему дисциплинарные взыскания. При этом представитель нанимателя не обязан учитывать решение комиссии по урегулированию конфликта интересов в связи с рекомендательным характером таких решений.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 28 июля 2015 г. по делу № 33-3145/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=53305 (Дата обращения: 22.09.2018).
2. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 25.12.2017 по делу № 33-9850/2017 // [Электронный ресурс] – режим доступа. – СПС «Консультант-плюс» (Дата обращения: 22.09.2018).
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. N 162. 31.07.2004.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. N 266. 30.12.2008.
5. Решение Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 28 августа 2017 г. по делу 2-1716/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/eU750fsBgE1B/> (Дата обращения: 14.05.2018).
6. Тухватуллин Т.А. Конфликт интересов в российском законодательстве: понятие, урегулирование и ответственность // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 6.

ПРИЗНАКИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Плешков Павел Викторович

*магистрант, кафедра конституционного и финансового права
юридического факультета, ПГНИУ,*

РФ, г. Пермь

E-mail: naglfar159@yandex.ru

На основе легального определения, закрепленного в ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции» [4], мы можем выделить основные признаки конфликта интересов на государственной службе: 1) наличие специального субъекта; 2) наличие личной заинтересованности субъекта; 3) влияние или возможность влияния личной заинтересованности на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение лицом его должностных обязанностей.

Во-первых, следует определить субъекта отношений, в которых возникает конфликт интересов, и, соответственно, установить, на какой круг лиц распространяются данные нормы. Легальное определение не дает ответа на вопрос, замещение каких именно должностей предполагает обязанность по урегулированию конфликта интересов.

Законодателем была предпринята попытка внести ясность в данный вопрос путем введения ч. 3 ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции», в которой перечислен круг субъектов, обязанных принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Однако, данная норма имеет неисчерпывающий характер, поскольку предусматривает возложение обязанностей, связанных с конфликтом интересов, на «иные категории лиц в случаях, предусмотренных федеральными законами».

Следовательно, норма является бланкетной, отсылающей нас к федеральным законам в целом, не указывая конкретных законов, предусматривающих соответствующие категории лиц. Данная ситуация говорит о правовой неопределенности и способна, на наш взгляд, породить противоречивую правоприменительную практику, связанную с различным толкованием федеральных законов.

Полагаем, что наиболее адекватным решением проблемы будет являться замена бланкетной нормы об иных категориях лиц на нормы, в которых будет исчерпывающим образом определен круг субъектов конфликта интересов, в результате чего будет устранена необходимость поиска норм в специальных федеральных законах.

Во-вторых, необходимо определить содержание понятия «личная заинтересованность». Исходя из буквального толкования закона, личная заинтересованность представляет собой возможность получения различных материальных выгод. Однако, в юридической литературе распространен более широкий подход: это основанное на должностных полномочиях намерение государственного служащего в получении дополнительной возможности увеличения роста объема потребления материальных и нематериальных благ самим государственным служащим, членами его семьи или другой близкой ему социальной группы [1].

В уголовном праве личная заинтересованность также не рассматривается как носящая исключительно корыстный, материальный характер: разъясняется, что она может быть направлена и на получение нематериальных выгод [5].

Следует также заметить, что официальный представитель Правительства РФ Т.В. Блинова, отвечая на вопрос о том, почему в новой редакции ФЗ «О противодействии коррупции» не указано на получение нематериальной выгоды, сообщила следующее: «В Законе установлена именно личная заинтересованность, а то, какие у нас с вами есть имущественные и неимущественные права и чем они регулируются, - просто не нормы этого Закона. Да, безусловно, здесь может быть личная как материальная, имущественная, так и моральная заинтересованность соответственно, здесь просто «личная заинтересованность» [2].

Полагаем, что в данном случае закон подлежит расширительному толкованию. Исходя из значения понятия личной заинтересованности в уголовном законодательстве, разъяснениях Верховного Суда РФ, можно сделать вывод о единстве содержания данного понятия в различных отраслях законодательства.

В противном случае уголовное законодательство устанавливало бы ответственность за то, что не предусмотрено законодательством о противодействии коррупции как нарушение.

Следовательно, под личной заинтересованностью должна пониматься как материальная, так и нематериальная заинтересованность. При этом, на наш взгляд, для исключения противоречивых толкований необходимо дополнить ч. 2 ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции» указанием на то, что под личной заинтересованностью понимается также возможность получения выгод неимущественного характера.

Необходимо также обратиться к вопросу о том, какими лицами могут быть получены перечисленные материальные и нематериальные выгоды. Законодателем не разграничена прямая и косвенная личная заинтересованность. Однако, можно предположить, что критерием разграничения является именно субъект, получающий те или иные выгоды; в таком случае под прямой заинтересованностью следует понимать получение выгод самим должностным лицом, а под косвенной – всеми третьими лицами, перечисленными в ч. 2 ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции».

Говоря о получении выгод третьими лицами, отметим, что, на наш взгляд, круг лиц, охватываемых понятием личной заинтересованности, является весьма широким и недостаточно определенным. При установлении таких субъектов, как само должностное лицо и лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, неясности не возникает. Однако установить на практике, с какими гражданами или организациями указанные лица связаны «имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями», достаточно проблематично, учитывая обширность социальных связей между людьми, а также широкое содержание и открытый характер понятия «иные близкие отношения».

Анализируя третий признак конфликта интересов, связанный с влиянием личной заинтересованности на исполнение полномочий, отметим, что при выявлении такой личной заинтересованности необходимо учитывать уровень интенсивности связей, отношений между лицами.

Наконец, необходимо определить, что представляет собой «надлежащее, объективное и беспристрастное» исполнение должностных обязанностей. Данное понятие является, безусловно, оценочной категорией, поскольку отсутствуют конкретные критерии объективности и беспристрастности.

В качестве одного из критериев в юридической литературе предлагается транспарентность – открытость, прозрачность решения, принимаемого должностным лицом. Однако, как отмечает А.Ф. Ноздрачев, транспарентность решения не во всех случаях дает основания оценивать его как объективное, необходимое, надлежащее и непредвзятое. Кроме того, не все решения в публичной сфере могут быть прозрачными, что связано с необходимостью защиты интересов государства и общества [3].

Следовательно, неизбежно наличие элементов субъективности в оценке действий (бездействий), решений должностных лиц. Для повышения объективности оценки действий должностных лиц необходимо основываться, как рекомендует А.Ф. Ноздрачев, только на реальности фактов, а не на том, что можно предполагать относительно возможности действий должностного лица.

Таким образом, признаки конфликта интересов на государственной службе недостаточно четко определены в ФЗ «О противодействии коррупции». Представляется необходимой конкретизация перечисленных признаков с целью достижения правовой определенности и единообразного понимания такого многоаспектного явления, как конфликт интересов.

Список литературы:

1. Гирин С.А. О соотношении понятий «интерес» и «личная заинтересованность» в конфликте интересов на государственной гражданской службе // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 10. Т. 36. С. 157.
2. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Т. 29 (244). 2014 г. Весенняя сессия. 23 апреля – 20 мая. М.: Издание Государственной Думы, 2016. С. 679.
3. Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. N 6. С. 39.

4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. N 266. 30.12.2008.
5. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 // Российская газета. N 207. 30.10.2009.

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КОММЕНТАРИЙ К РЕШЕНИЮ СУДА ЕС
ПО ДЕЛУ «MELLONI V. MINISTERIO FISCAL» № C-339/11**

Помин Артём

магистрант, кафедра гражданского права СПбГУ,

РФ, г. Санкт-Петербург

E-mail: Artyom.Pomin@yandex.ru

Краткое содержание дела

Обстоятельства дела¹ были таковы: гражданин Италии господин Меллони скрывался в Испании от итальянских властей. Он обвинялся в совершении уголовного преступления, связанного с фиктивным банкротством. Поскольку господин Меллони не желал лично предстать перед судом, суд Феррары постановил назначить обвиняемому защитников, которые впоследствии были выбраны самим господином Меллони. 21 июня 2000 г. суд Феррары вынес решение, в котором суд заочно признал господина Меллони виновным в совершении уголовного преступления и приговорил его к 10 годам лишения свободы. Последующие судебные инстанции оставили приговор суда в силе и без изменений. Генеральная Прокуратура Итальянской Республики 8 июня 2004 г. выпустила ордер на его арест для исполнения приговора, вынесенного феррарским судом.

Впоследствии г-н Меллони был задержан испанской полицией в 2008 г. Сам г-н Меллони возражал против своей экстрадиции и в обосновании своей жалобы он указал, что согласно итальянскому уголовно-процессуальному законодательству невозможно обжаловать приговор суда, в отношении лиц осужденных там заочно. В связи с этим, исполнение ордера на его арест может быть произведено только при условии предоставления ему гарантий и возможности обжаловать решение феррарского суда. В свою очередь испанский суд не согласился с позицией г-на Меллони, указав, что он сам лишил себя

¹ *ECJ. Stefano Melloni v. Ministerio Fiscal. Case No. C-399/11 [2013]. Judgment of 26 February 2013 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62011CJ0399> (Дата обращения: 30.08.2018).*

возможности участвовать в уголовном процессе лично. Более того, адвокаты, назначенные им, представляли его интересы в первой инстанции, а также в апелляционном и кассационном разбирательстве. Таким образом, он исчерпал все средства правовой защиты.

Г-н Меллони не согласился с мнением испанских властей и подал заявление в Конституционный Суд Испании. В своем заявлении он указал, что в его ситуации было нарушено право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 24 Конституции Испании. По его словам допущение его экстрадиции в страну, где у лиц, заочно осужденных, отсутствует право оспорить вынесенный в отношении них судебный приговор, искажает основополагающую суть справедливого судебного разбирательства таким образом, что подрывается его человеческое достоинство. Конституционный Суд Испании согласился с доводами заявителя и признал решение испанских судебных властей об экстрадиции г-на Меллони неправомерным, поскольку, оно влечет косвенное нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Стоит отметить, что за время своего существования Конституционный Суд Испании выработал практику в соответствии, с которой наличие у заочно осужденного лица возможности обжалования судебного приговора является неременным условием его экстрадиции в случае, когда речь идет об обвинении в совершении тяжкого правонарушения. Однако праву Европейского Союза (ЕС) не было известно такого основания для отказа в исполнение ордера на арест. В частности подобного рода условие не содержится в ст. 4 bis Рамочного решения Совета Европейского Союза 2002/584/ПВД от 13 июня 2002 г. «о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами»² (далее – Рамочное решение Совета ЕС). В связи с этим Конституционный Суд Испании обратился в Суд ЕС за соответствующим разъяснением, а именно: 1) соответствуют ли норма ст. 4 bis Рамочного решения Совета ЕС положениям статей 47 и 48 Хартии Европейского Союза об основных

² Рамочное решение Совета Европейского Союза 2002/584/ПВД от 13 июня 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» // СПС «Гарант».

правах (далее - Хартия); 2) с учетом ст. 53 Хартии, какое право подлежит применению? Т. е. возможно ли не применять право ЕС, в случаях, когда национальное законодательство содержит более высокие стандарты в области защиты прав человека, чем само право ЕС?

Решение Суда Европейского Союза по данному делу

Стоит подчеркнуть, что наибольший интерес, как с теоретической точки зрения, так и с практической вызывает именно второй вопрос. Касательно первого вопроса Суд ЕС, на основании проведенного им анализа, пришел к выводу о том, что статья 4 bis Рамочного решения Совета ЕС не вступает в противоречие ни с правом на эффективную судебную защиту своих прав, ни с правом на справедливое судебное разбирательство, ни иным правам, предусмотренным в статьях 47, 47 Хартии. Более того Суд констатировал, что вышеуказанные права не являются абсолютными и лицо по своей воле может прямым или косвенным образом отказаться от них при условии, что отказ является однозначным и не противоречит каким-либо важным общественным интересам. Следовательно, статья 4 bis Рамочного решения Совета ЕС полностью соответствует требованиям Хартии.

Что касается второй проблемы, то здесь все обстоит следующим образом. Для начала напомним, что в ст. 53 Хартии указано, что никакое положение настоящей Хартии не должно быть истолковано как ограничивающее или посягающее на права человека и основные свободы, признанные в рамках своей соответствующей области применения правом Союза, международным правом и международными конвенциями, в которых участвуют Союз, Сообщество или все государства-члены, в частности, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также конституциями государств-членов.

Ссылаясь на ст. 53 Хартии Конституционный Суд Испании утверждал, что в данном случае национальная система защиты прав человека шире, нежели система защиты прав человека по праву ЕС, а значит, нормы права ЕС могут не применяться.

С данной позицией категорически не согласился Суд Европейского Суда. В частности он указал, что подобное толкование ст. 53 Хартии подрывает принцип верховенства закона ЕС, поскольку оно позволяет государству-члену ЕС не применять право ЕС, которое в свою очередь полностью соответствует Хартии. Ссылаясь на предыдущие свои решения, Суд Европейского Союза указал, что в силу принципа верховенства права ЕС, который является существенной особенностью правовой системы Европейского Союза, нормы национального права, включая конституционного права, не должны подрывать эффективность права ЕС на территории этого государства. При этом по смыслу ст. 53 Хартии в случаях, когда нормативные акты ЕС отсылают к национальному законодательству, данная норма позволяет местным властям и судебным органам устанавливать свои национальные стандарты в сфере защиты прав человека, при условии, что этот уровень защиты не будет существенным образом подрывать верховенство, единство и эффективность права ЕС.

Вдобавок Рамочное решение Совета ЕС направлено на гармонизацию условий исполнения европейского ордера на арест в случае вынесения заочного осуждения. В этом Рамочном решении отражается консенсус, достигнутый всеми государствами-членами ЕС в вопросе содержания процессуальных прав лиц, которые были осуждены заочно. Позиция Конституционного Суда Испании входит в противоречие со всем вышесказанным. Она ставит под сомнение концепцию единообразного стандарта защиты прав человека, а также подрывает принцип взаимного признания решений по уголовным делам, а, следовательно, подрывает и эффективность действия самого Рамочного решения Совета ЕС.

Значение данного решения для права Европейского Союза

Решение Суда Европейского Союза по делу «Melloni v. Ministerio Fiscal» является логическим продолжением принципа верховенства права ЕС. Этот принцип указывает национальным парламентам и администрациям, что им не следует применять законы или иные нормативные правовые акты, которые

несовместимы с правом ЕС³. Это также указание национальным судам не применять те положения национальных нормативных правовых актов, которые противоречат праву ЕС⁴. Впервые принцип верховенства права ЕС был сформулирован в решении Суда ЕС по делу «Коста против ЭНЕЛ».

В последующих своих решениях на основании указанного принципа Суд ЕС продвигал позицию верховенства норм права ЕС над особенностями национальных конституционных традиций. Так, в решении по делу «Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel» Суд ЕС указал, что «действительность акта Европейского Сообщества или его правовые последствия в пределах государства-члена не могут быть затронуты утверждениями о том, что они якобы противоречат основополагающим правам человека, как они сформулированы в конституции данного государства, или принципам национальной конституционной структуры»⁵. В рамках дела «Amministrazione delle Finanze v. Simmenthal SpA»⁶ Суд ЕС отверг довод итальянских властей о том, что действие национального закона, противоречащего праву ЕС может быть отменено только посредством принятия конституционным судом соответствующего решения. Он указал, что сам факт принятия ЕС нормативных правовых актов делает противоречащие им национальные законы автоматически неприменимыми. В решении по делу «Anacleto Cordero Alonso v. Fondo de Garantía» Суд ЕС заявил, что поскольку принцип недискриминации является одним из основных принципов права ЕС, то национальные суды обязаны следовать толкованию, данному Судом ЕС, и не применять нормы национального права, которые были признаны Судом ЕС противоречащими данному принципу, даже несмотря на то, что эти нормы

³ *Право Европейского Союза и практика Суд Европейского Союза: учеб. пособие / К.В. Энтин – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 25.*

⁴ *Там же.*

⁵ *ECJ. Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Case No. 11/70 [1970]. Judgment of 17 December 1970 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61970CJ0011> (Дата обращения: 30.08.2018).*

⁶ *ECJ. Amministrazione delle Finanze dello Stato v. Simmenthal SpA (Simmenthal II). Case No. 106/77 [1978]. Judgment of 9 March 1978 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61977CJ0106> (Дата обращения: 30.08.2018).*

были признаны конституционным судом соответствующими конституции⁷. Таким образом, Суд ЕС в своей практике планомерно ставил под сомнение значение и влияние конституционного правосудия для развития права ЕС. Исходя из вышеприведенной точки зрения финальный вывод по делу Меллони не вызывает никакого удивления. Более того, анализируя решение по делу «Melloni v. Ministerio Fiscal» можно заметить, что Суд в своих рассуждениях рассматривает этот казус не только через призму верховенства права ЕС, но и оценивает его с точки зрения эффективного применения норм права ЕС. Действительно, любой другой вывод по данному делу породил бы определенные сложности в системе исполнения европейского ордера на арест. Разрешение проблем и достижение консенсуса в вопросах процессуального права является крайне важной задачей для любого интеграционного объединения.

Однако данное решение позволяет некоторым авторам сделать достаточно спорный вывод о том, что Суд ЕС придерживается мнения о том, что страны-члены ЕС якобы не вправе предложить более эффективную защиту прав человека по сравнению с Хартией и правом ЕС⁸. Представляется, что выводы, сделанные Судом ЕС в своем решении не стоит гиперболизировать до такой степени. Ответ по данной проблеме можно обнаружить в самом тексте решения по делу Меллони. В этом решении Суд ЕС сам указал на то, что повышенные национальные стандарты в области защиты прав человек не должны существенным образом подрывать верховенство, единство и эффективность права ЕС. Соответственно в иных отраслях права государства-члены ЕС могут по-прежнему выходить за рамки законодательства ЕС и повышать уровень защиты прав человека, но только при соблюдении вышеперечисленных условий.

⁷ ECJ. *Anacleto Cordero Alonso v. Fondo de Garantía Salarial (Fogasa)*. Case No. C-81/05 [2006]. Judgment of 7 September 2006. // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1512055888251&uri=CELEX:62005CJ0081> (Дата обращения: 30.11.2017).

⁸ Испоинов А.С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 4 // СПС «Гарант».

Всё же стоит признать, что национальные правовые системы являются более динамично развивающимися системами, нежели само коммунитарное право. И именно национальное право государств-членов ЕС служит источником вдохновения для права Европейских сообществ.

Таким образом, представленный казус по делу Меллони позволяет сформулировать как минимум три важных вывода. Во-первых, в ходе развития процесса европейской интеграции значение конституционных судов постепенно снижается. Практика и позиция конституционных судов государств-членов ЕС сама по себе не способна повлиять на развитие европейского права и правосудия. Решающим словом в этом вопросе обладает Суд ЕС. Принцип верховенства права ЕС, выработанный в свое время Судом ЕС, по сути, исключает признание особенностей конституционного правосудия. Представляется, что эта проблема в скором будущем будет особенно актуальна и для стран ЕАЭС. Во-вторых, исходя из решения по делу Меллони и иных представленных решений, Суд ЕС вывел обязательство государств-членов об обеспечении действенного и эффективного функционирования права ЕС, вне зависимости от установленных национальным законодательством или судебной практикой препятствий или ограничений. Установление единообразных процессуальных гарантий прав и свобод на территории ЕС является необходимой составляющей эффективного функционирования европейской системы правосудия. Именно эту идею в своем решении и продвигал Суд ЕС. В-третьих, не стоит на основании решения по данному делу утверждать, что государства-члены ЕС не вправе установить более высокие стандарты в области защиты прав и свобод человека. Принцип верховенства права ЕС не стоит абсолютизировать за счет основных прав и свобод человека. К такому выводу подталкивает и сама Хартия. Так, согласно разъяснениям Президиума Конвента положение ст. 53 Хартии "призвано сохранить уровень защиты, который в рамках своей области применения в настоящее время обеспечивают право Союза, право государств-членов и международное право"⁹.

⁹ Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий / Под ред. проф. Кашкина С.Ю. – М. Юриспруденция, 2001 // СПС «Гарант».

Список литературы:

1. Исполинов А.С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС [Электронный ресурс] / Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 4 // СПС «Гарант».
2. Рамочное решение Совета Европейского Союза 2002/584/ПВД от 13 июня 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» [Электронный ресурс] – СПС «Гарант».
3. Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий [Электронный ресурс] / Авт кол.: С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков, Е.А. Чегринцев, П.А. Калинин; Под ред. С.Ю. Кашкина. – М. Юриспруденция, 2001 – СПС «Гарант».
4. Энтин К.В. Право Европейского Союза и практика Европейского Союза: учеб. пособие / К.В. Энтин. – М. Норма: ИНФРА – М, 2015. – 240 с.
5. ECJ. Amministrazione delle Finanze dello Stato v. Simmenthal SpA (Simmenthal II). Case No. 106/77 [1978]. Judgment of 9 March 1978 [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61977CJ0106> (Дата обращения: 30.08.2018).
6. ECJ. Anacleto Cordero Alonso v. Fondo de Garantía Salarial (Fogasa). Case No. C-81/05 [2006]. Judgment of 7 September 2006 [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1512055888251&uri=CELEX:62005CJ0081> (Дата обращения: 30.08.2018).
7. ECJ. Stefano Melloni v. Ministerio Fiscal. Case No. C-399/11 [2013]. Judgment of 26 February 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62011CJ0399> (Дата обращения: 30.08.2018).
8. ECJ. Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Case No. 11/70 [1970]. Judgment of 17 December 1970 [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61970CJ0011> (Дата обращения: 30.08.2018).

ТРУДОПРАВОВОЙ СТАТУС МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО

Рассохина Екатерина Андреевна

магистрант,

кафедра трудового и социального права, ВятГУ,

РФ, г. Киров

E-mail: katknyazh@gmail.com

Трудовой и правовой статус муниципального служащего отображается в Законодательстве Российской Федерации, в законах, НПА субъектов, а также в уставах и иных правовых актах муниципальных образований.

Любой гражданин Российской Федерации имеет возможность поступать на муниципальную службу и вступать в административно – правовые отношения, может быть исполнителем юридических прав и обязанностей муниципальной службы. Все это является правовым качеством, то есть правосубъектностью. В свою очередь правосубъектность начинается с момента замещения муниципальной должности и представляет собой основу правового статуса муниципального служащего. Эта основа включает в себя 3 основных элемента: права, обязанности и ответственность, а также существуют еще и дополнительные элементы – это ограничения и гарантии.

Муниципальный служащий – это гражданин, достигший возраста 18 лет, владеющий государственным языком РФ, который имеет необходимые квалификационные требования, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными законами и законами субъекта РФ, обязанности по должности муниципальной службы за денежное довольствие, которое выплачивается за счет средств местного бюджета.

При замещении муниципальной должности не устанавливается никаких ограничений или преимуществ в зависимости от пола, национальности, имущественного или должностного положения, расы, происхождения, убеждений, отношения к религии, а также обстоятельств, которые никак не связаны с профессиональными и деловыми качествами муниципального служащего.

Перед тем как заключить трудовой договор сначала может проводиться конкурс на замещение вакантных должностей, в результате которого осуществляется оценка профессионального уровня претендентов, и их соответствие установленным квалификационным требованиям к должности.

У каждого муниципального служащего есть специальные права, которые перечислены в статье 11 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» - это основной критерий и гарантия выполнения ими своих служебных либо трудовых обязанностей.

Закон о муниципальной службе включает в себя 3 уникальных специальных права, которые различают между собой трудовую статус муниципальных служащих и трудовую статус других категорий работников.

Первое уникальное специальное право – это возможность получения информации и материалов, которые необходимы для исполнения своих должностных обязанностей и возможность вносить предложения по совершенствованию деятельности органов местного самоуправления.

Второе уникальное специальное право – это участие в конкурсах на замещение вакантных должностей муниципальной службы по собственной инициативе.

Третье уникальное специальное право – это право на изучение материалов собственного личного дела и приобщение к своему личному делу письменных объяснений.

Одна из главных особенностей муниципальной службы как особой трудовой деятельности выражается в ограничениях, лимитах и запретах. Обязанностью муниципального служащего является соблюдение ограничений, выполнение обязательств и не нарушение запретов, которые установлены Законом о муниципальной службе.

Например, часть 2 статьи 11 Закона предоставляет право на выполнение дополнительной оплачиваемой работы, но тут же предполагает ему ограничение, в виде такой установки: «муниципальный служащий не вправе выполнять иную оплачиваемую работу, который является главой администрации по контракту»,

вторая установка – это то, что муниципальный служащий только с предварительного письменного разрешения руководства может выполнять иную оплачиваемую работы и если это не повлечет конфликт интересов.

Закон о муниципальной службе устанавливает некоторое количество критериев специальной трудовой правосубъектности, наиболее интересные из них это:

1. На муниципальную службу вправе поступать граждане, которые достигли 18-летнего возраста, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующие квалификационным требованиям, которые указаны в статье 13 в качестве ограничений, а она в свою очередь устанавливает 10 ограничений и еще плюсом к этому добавляет ценз на возраст для замещения должностей муниципальной службы – 65 лет. Также существует 2 взаимосвязанных между собой ограничения – это наличие гражданства иностранного государства и прекращения гражданства Российской Федерации, то есть муниципальный служащий обязан сообщать работодателю о выходе из гражданства РФ либо о приобретении гражданства иностранного государства.

2. Уникальная специальная обязанность муниципального служащего – это уведомление в письменной форме своего непосредственного руководителя о личной заинтересованности при исполнении своих служебных или должностных обязанностей, которые в свою очередь могут привести к конфликту интересов, а так же принятие мер по предотвращению подобного конфликта.

Кроме специальных и уникальных прав, ограничений и различных цензов для муниципальных служащих существуют также гарантии. Эти гарантии представляют собой условия и средства, обеспечивающие реализацию и охрану трудовой деятельности муниципальных служащих.

Наиболее интересное и редко встречающаяся гарантия на мой взгляд это – медицинское обслуживание самого муниципального служащего, членов его семьи и даже после выхода муниципального служащего на пенсию. Также в связи с исполнением муниципальным служащим своих должностных обязанностей и, например, в случае его смерти или инвалидностью, членам семьи

муниципального служащего полагается пенсионное обеспечение. Также членам семьи и самому муниципальному служащему полагается защита от угроз и насилия и других неправомерных действия. Кроме основных гарантий муниципальным служащим могут быть предоставлены дополнительные гарантии уставом муниципального образования и законами субъектов.

Как и любой работник другой категории муниципальный служащий несет ответственность за свою служебную деятельность, которая установлена Законодательством Российской Федерации. На него могут возлагаться различные дисциплинарные взыскания, такие как: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии и увольнение, а так же можно ограничиваться ранее наложенными дисциплинарными взысканиями.

Анализирую основные элементы специального трудового статуса муниципальных служащих, которые отграничивают их от других видов служб и служебной деятельности можно сделать выводы о том, что:

1. Закон о муниципальной службе устанавливает небольшое количество особенностей по сравнению с Трудовым Кодексом Российской Федерации.

2. Специфика муниципальной службы как особой трудовой деятельности выражается в ограничениях и запретах, связанных с муниципальной службой, именно они во многом определяют специальную трудовую правосубъектность.

3. Формулировки отдельных элементов специального трудового статуса несовершенно и зачастую правовые механизмы просто не созданы для реализации отдельных прав и обязанностей.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10.
2. Комментарий к Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный) [Текст] / С.Э. Несмеянова, Е.С. Шугрина. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2012.

3. Малышева М.Н. правовая природа муниципальной службы и правовое положение муниципального служащего в РФ // Административное и муниципальное право, 2011, № 5.
4. Манохин В.М. Концепция законодательства о муниципальной службе в Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвузовский научный сборник, - Саратов.
5. Муниципальное право России: Учебник / И.И. Овчинников, А.Н. Писарев. – М.: Эксмо, 2007.

ОТГРАНИЧЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ОТ ИНЫХ ВИДОВ СЛУЖБ

Рассохина Екатерина Андреевна

*магистрант,
кафедра трудового и социального права, ВятГУ,
РФ, г. Киров
E-mail: katknyazh@gmail.com*

Муниципальные служащие как отдельная категория работников является сравнительно молодой и возникла она 20 лет назад. На эту категорию работников распространяется действие трудового законодательства, но со своими ограничениями.

Муниципальная служба – это профессиональная деятельность граждан Российской Федерации, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора или контракта. Нанимателем является муниципальное образование, а полномочия нанимателя осуществляет представитель нанимателя (работодатель) – это глава муниципального образования, председатель избирательной комиссии или иное лицо, которое уполномочено исполнять обязанности представителя нанимателя.

Для того чтобы обозначить нестандартность правовой природы муниципальной службы, ее необходимо отграничить от иных видов служб, которые существуют в Российской Федерации. Для примера возьмем такие понятия, как «публичная власть», «государственная служба» и «система государственной службы».

Разберёмся с таким понятием как «публичная власть». В переводе с латинского это общественный, государственный и официальный. Конституционным Судом Российской Федерации было официально употреблено в постановлении от 24 января 1997 года то, что организация публичной власти может осуществляться органами, которые не входят в систему органов государственной власти, то есть на местах она может осуществляться муниципальными органами. А 4 февраля 1997 года Конституционный Суд

подчеркнул общность органов государственной и муниципальной власти. Несмотря на то, что органы местного самоуправления отделены организационно от государственной власти, но они все равно связаны тесным образом своим функционалом. Отсюда следует вывод, что публичная власть, это слияние государственной и муниципальной власти, которая на основе открытости общественности действует в территориальных коллективах.

В соответствии с Федеральным Законом № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» понятие государственной службы – это профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий. Это совокупность норм, которая регулирует государственно – служебные отношения, а основой являются нормы административного права.

Система государственной службы включает в себя: 1. Государственную гражданскую службу, которая в свою очередь подразделяется на федеральную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъекта РФ и 2. Военную службу и правоохранительную службу, которые устанавливаются федеральными законами и являются видами федеральной государственной службы.

Разграничив все эти понятия перейдем к нашему основному вопросу об отграничении муниципальной службы от иных видов служб.

Федеральный Закон № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» устанавливает общие принципы организации муниципальной службы и основы правового положения муниципальных служащих.

Выделим основные черты, которые могут охарактеризовать муниципальную службу:

1. Профессиональная деятельность, право на которую появляется в соответствии с квалификацией, указанной в документе об образовании.

2. Деятельность осуществляется на постоянной основе – это штатная должность. Исполнение своих должностных обязанностей осуществляется в органе местного самоуправления, то есть по месту основной работы.

Между органами местного самоуправления и муниципальным служащим заключается трудовой договор, который согласно трудовому законодательству может заключаться на неопределенный срок либо на определенный срок, не более 5 лет.

3. Муниципальная служба – это оплачиваемый вид деятельности, денежное довольствие выплачивается на счет средств местного бюджета.

4. Замещение муниципальной должности является основой муниципальной службы, и они могут классифицироваться как:

- **Выборные.** Эти должности замещаются в результате муниципальных выборов (депутаты, члены выборного местного самоуправления и главы муниципальных образований);

- **Замещаемые на основании решений представительного или иного органа местного самоуправления** (председатель представительного органа местного самоуправления, избранный из числа депутатов);

- **Замещаемые путем заключения трудового договора.**

5. Сущностью муниципальной службы является обеспечение реализации полномочий органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, наделение полномочиями по решению вопросов местного значения и отдельными государственными полномочиями.

6. Организационно – правовой формой является орган местного самоуправления, который образуется в соответствии с уставом муниципального образования.

7. Так как формирование муниципальной службы происходит в сфере публичной власти и ее функционале, а также она имеет общие черты с государственной властью, то это выражается в исчислении стажа и предоставлении льгот и гарантий, соответствующих законодательству.

8. Муниципальная служба является институтом муниципального права, поэтому она регулирует закон.

Чтобы сделать выводы о том, что муниципальная служба отграничена от иных видов служб можно провести сравнение в виде таблицы.

Таблица 1.

**Сравнительный анализ муниципальной службы
и государственной службы**

Муниципальная служба	Государственная служба
<i>Общие черты:</i>	
Идентичные квалификационные требования	
Близость принципов квалификации должностей	
Сходство принципов начисления оплаты труда	
Родство принципов в предоставлении социальных гарантий	
<i>Различия:</i>	
Это деятельности граждан Российской Федерации в муниципальных органах власти, которые юридически независимы от государственных структур.	Это вид деятельности граждан Российской Федерации в государственных органах власти – на федеральном, региональном уровне.
Для муниципальной службы является нормой присвоение классных чинов без квалификационного экзамена.	Для присвоения классного чина есть обязательное условие в виде успешной сдачи квалификационного экзамена.

Главное отличие муниципальной службы заключается в том, что она является трудовой деятельностью лиц, которая осуществляется в органах местного самоуправления, а государственная служба осуществляется на уровне федеральных и региональных структур. В соответствии с Конституцией Российской Федерации муниципальная и государственная власть независимы друг от друга, поэтому муниципальные служащие не подотчетны государственным структурам.

Таким образом, отграничение муниципальной службы от иных видов служб сводится в основном к юридическому разграничению уровней функционирования органов власти, в которых работают граждане, осуществляющие рассматриваемые виды трудовой деятельности.

В результате развития законодательных подходов к понятиям «государственная и муниципальная служба» предполагается 2 различные позиции:

1. Формирование самостоятельного правового института в рамках административного или служебного права и в частых случаях отказ от норм трудового законодательства.

2. Регулирование муниципальной службы устанавливает то, что на муниципальных служащих распространяется действие трудового законодательства, но с особенностями, которые предусмотрены в Федеральном законе № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Поступление на муниципальную службу, условия ее прохождения и права и обязанности оформляются трудовым договором, а не служебным контрактом, как того требует законодательство о государственной гражданской службе.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22.
2. Федеральный закон от 02.03.2007 «25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31.
4. Комментарий к Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный) [Текст] / С.Э. Несмеянова, Е.С. Шугрина. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2012.
5. Государственная и муниципальная служба / под ред. В.И. Петрова. – М.: Издательство Юрайт, 2013.

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хомякова Ольга Леонидовна

*магистрант,
кафедра трудового и социального права ВятГУ,
РФ, г. Киров
E-mail: holga825@mail.ru*

В начале 21 века в нашей стране остро встала задача поднять эффективность бюджетного сектора, повысить качество предоставляемых услуг и квалификацию работников. Правительство РФ поставило важную задачу: оптимизировать управление бюджетным сектором, повысить престиж и показать привлекательность работы в бюджете, обеспечить соотношение оплаты труда работников качеству оказанных ими услуг и, наконец, поддержать кадровый потенциал.

Работа врача во все времена была очень важной, неопенима ее значимость и сейчас, поскольку медицинский работник несет ответственность непосредственно за жизнь и здоровье пациента. Говоря о внимании к медикам, Президент России 1 марта 2018 года в своем Послании Федеральному Собранию РФ подчеркнул их особую роль: «Хотел бы поблагодарить врачей, фельдшеров, медсестер за сложный и такой нужный труд. На этих людях держится очень-очень многое...» [3].

Ключевой задачей социальной сферы в последние годы является повышение качества здравоохранения. Мотивация медицинского персонала на оказание качественных услуг – один из факторов, помогающих в достижении этой цели. Именно поэтому пересмотрена схема оплаты труда медицинских работников.

Новым этапом преобразования порядка оплаты за труд в бюджетной сфере стало принятие Указа Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Правительство РФ разработало в 2012 году Программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 – 2018 годы (далее - Программа).

Данная Программа предусматривает введение эффективного контракта.

Эффективный контракт представляет собой трудовой договор, где определены трудовая функция, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности, стимулирующие выплаты в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, компенсационные выплаты и т. д.

Система внедрения эффективных контрактов в сфере здравоохранения ставит следующие задачи: повышение престижа труда в медицинских учреждениях, сохранение кадрового потенциала, соответствие оплаты труда качеству и объему предоставляемых услуг. Таким образом, можно сделать вывод, что основная цель такого трудового договора – мотивация медиков на достижение более высоких результатов в профессиональной деятельности, комплексное повышение качества услуг.

Указанные цели, по мнению разработчиков Программы, должны быть достигнуты через механизм перехода на систему, включающую в себя наличие у учреждения бюджетной сферы государственного (муниципального) задания и целевых показателей эффективности работы, утвержденных учредителем; системы оценки эффективности деятельности работников учреждений (совокупности показателей и критериев, позволяющих оценить количество затраченного труда и его качество); системы оплаты труда, учитывающей различия в сложности выполняемой работы, а также количество и качество затраченного труда; системы нормирования труда работников учреждения; подробной конкретизации с учетом отраслевой специфики в трудовых договорах должностных обязанностей работников, показателей и критериев оценки труда, условий оплаты труда.

Одним из спорных вопросов является закрепление порядка и способов перехода на эффективный контракт. Так, во всех сферах деятельности государственного сектора (в том числе в сфере здравоохранения) является обязательным заключение эффективных контрактов с работниками. Приказом Минтруда России от 26.04.2013 №167н утверждены Рекомендации по

оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта (далее – Рекомендации). Данные Рекомендации могут применяться при оформлении трудовых отношений со всеми работниками. Значит, применение Рекомендаций является правом учреждения, как и внедрение эффективных контрактов. Некоторые субъекты РФ напрямую используют данные Рекомендации при введении эффективного контракта во всех отраслях, а некоторые – принимают собственные рекомендации в каждой отдельной отрасли.

Оформление трудовых отношений в связи с введением эффективного контракта осуществляется двумя способами: во-первых, посредством заключения нового трудового договора с лицом при поступлении на работу; во-вторых, посредством составления соглашения об изменении определенных сторонами условий трудового договора, если сотрудник уже работает.

Заключение эффективного контракта с работниками не влечет расторжения действующего трудового договора и заключения нового, можно говорить только о внесении изменений в существующий трудовой договор посредством заключения с ним дополнительного соглашения к трудовому договору [2, с. 42].

При рассмотрении примерной формы эффективного контракта возникает ощущение, что законодатель хочет охватить трудовым договором все трудовые условия работника, включая регламентированные нормативными актами (например, положением об оплате труда). Перечисление всех видов работ, выполняемых работником, а также его трудовых обязанностей полагаю нецелесообразным, так как это приводит к усложнению восприятия текста трудового договора и дублированию положений должностных инструкций. Возникает вопрос о целесообразности дублирования данных норм.

Более того, это невозможно и не нужно с точки зрения юридической техники.

В свою очередь, подробное описание в трудовом договоре должностных обязанностей работника и критериев, обуславливающих получение какой-либо выплаты в некотором размере, определяет другую особенность эффективного контракта – ясный механизм формирования оплаты труда.

Предусмотрено, что контракт должен точно указывать условия оплаты труда и социальный пакет работника с учетом объема и качества выполняемой работы [1, с. 1].

Примерами критериев оценки качества труда врачей могут быть: частота послеоперационных осложнений, частота случаев некачественного оформления медицинской документации, штрафные санкции при проверках СМО и ТФОМС, процент случаев некачественной экспертизы временной нетрудоспособности от общего числа случаев экспертизы временной нетрудоспособности, послеоперационная летальность, внедрение и использование новых методик лечения, процент выполнения планового задания по территориальной программе государственных гарантий, отсутствие обоснованных жалоб, соблюдение принципов этики и деонтологии и др.

Что касается среднего медицинского персонала, то в их работе возможно предусмотреть следующие критерии: частота случаев некачественного оформления медицинской документации, соблюдение правил получения, учета и хранения медикаментов и расходных материалов, соблюдение санитарно-эпидемиологического режима, нарушения внутрибольничного режима, отсутствие обоснованных жалоб, соблюдение норм медицинской и деловой этики, исполнительская дисциплина, своевременность и полнота выполнения врачебных назначений.

Данные списки критериев могут содержать и другие показатели, например, статистические: количество принятых пациентов, процент привитых и.т. д.

В тексте трудового договора прописываются не только показатели и критерии оценки эффективности деятельности, но и размер должностного оклада, компенсационные и стимулирующие выплаты, условия и периодичность их получения. Компенсационные и стимулирующие выплаты закреплены обычно закрепляются в локальных нормативных актах в организациях, поэтому в тексте трудового договора прописана только ссылка на соответствующий локальный нормативный акт.

Анализ внедрения новых систем оплаты труда указывает на необходимость дальнейшего совершенствования системы оплаты труда с целью:

- устранения необоснованной дифференциации в уровне оплаты труда;
- совершенствования системы критериев и показателей эффективности деятельности учреждений и работников, установления указанных критериев и показателей в учреждениях, где они в настоящее время отсутствуют;
- сокращения разрыва между средним уровнем оплаты труда работников учреждений и средним уровнем заработной платы по субъекту Российской Федерации;
- устранения системы установления необоснованного размера стимулирующих выплат.

Внедрение в учреждениях бюджетной сферы эффективного контракта как институциональной формы реализации трудовых отношений выявило некоторые риски. В частности, проявилось недовольство части работников из-за высокой дифференциации в уровнях оплаты труда и отсутствия возможности совмещения видов занятости, недопонимания критериев эффективности, заложенных в основу стимулирующих выплат, принципов их распределения и как результат - страх перед неизвестностью в отношении дальнейшей трудовой истории различных категорий работников.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформировать ряд принципиально важных выводов. Во-первых, переход на эффективные контракты в бюджетной сфере состоялся, и сегодня опыт его внедрения в бюджетных учреждениях требует его дальнейшей реализации. Это сложный и тщательно подготовленный процесс, главным условием которого должно стать создание для работников системы обучения и консультирования с целью повышения уровня информированности. Во-вторых, необходима комплексная кадровая политика, основанная на открытости системы оценки персонала, системы найма, возможности карьерного роста, стимулирования различных категорий работников, материальной и нематериальной мотивации.

Список литературы:

1. Нестеров С.Е. Переход на эффективный контракт // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. 2013. № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 15.09.2018).
2. Саликова Н.М. «Эффективный контракт»: новый вид трудового договора или новая система оплаты труда? - С. 118.
3. Послание Президента Федеральному Собранию: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата обращения 10.03.2018).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

*Электронный сборник статей по материалам LXIX студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 9 (68)
Сентябрь 2018 г.

В авторской редакции

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.

E-mail: mail@sibac.info

16 +

СибАК
www.sibac.info